

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
КРАСНАЯ
ЗИМА

Колдовские миры Галины Гончаровой

Галина Гончарова

Красная зима

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Красная зима / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2021 — (Колдовские миры Галины Гончаровой)

ISBN 978-5-04-158799-4

Для своего развлечения богиня Смерти поменяла местами двух девушек из разных миров – и не прогадала. Ради своего ребенка Яна готова пойти на все, даже добраться к нему через страну, в которой полыхает война, страну, в которой правят бал беззаконие и жестокость. Но если на дороге встретится кто-то беззащитный? Кто-то, нуждающийся в помощи? Даже приняв благословение Богини, Яна остается человеком... даже в ущерб своим планам. Анна старается прижиться в двадцатом веке. Для принцессы иного мира это сложно, но она не унывает. У нее есть сын, у нее найдутся и верные друзья, и даже любимый кот. Враги? Какие могут быть враги, если рядом с ней – самое ценное в мире, ее ребенок! Ради себя она не стала бы бороться, но за сына... тут и благословение Смерти придется кстати. Горе тем, кто встанет на ее пути!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158799-4

© Гончарова Г. Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1. Этих снежинок смесь. Этого снега прах[1]	6
Глава 2. Как запоздалая месть летнему буйству трав	23
Глава 3. Этих снежинок явь, призрачное крыло	45
Глава 4. Белого небытия множественное число	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Галина Дмитриевна Гончарова

Времена года. Красная зима

© Гончарова Г. Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Этих снежинок смесь. Этого снега прах¹

Яна, Русина

М-да.

Это вам не Москва, но хрен – он не слаще редьки...

Ругалась Яна вдохновенно.

Если кто пробовал выйти на окраине Москвы, а потом самостоятельно добираться до центра, да ножками, ножками...

Переулок. Закоулок. Канава. И снова – то же самое, но в разной последовательности.

Заборы и дома, сделанные чуть ли не из соплей. Грязное белье и бродячие собаки. Одна попробовала тявкнуть на Яну, но девушка так рыкнула в ответ сквозь зубы, что пес аж в канаву шарахнулся.

Нашел кого пугать!

А как было еще добираться?

Не водятся на окраине извозчики... и водятся ли они вообще в это время? Революция, знаете ли! Она быстро переучивает всех на две специальности. Экспроприаторов и экспроприруемых.

А ездить с пулеметом в обнимку, чтобы не дали по башке, не отобрали лошадь с пролеткой, не прибили самого извозчика...

Оно, конечно...

Так что Яна топала по улицам, и вид у нее был настолько злобный, что подойти не решились даже местные нищие.

Не зная географии, Яна выпрыгнула на Нищенской окраине Звенигорода. Такие места есть в каждом городе. Поганый переулок, Помоечный тупик, Нищенская окраина... да мало ли как оно называется? Хоть бы и Двор Чудес, как в одном из романов... а суть-то одна!

Помойка.

Бандитская малина и воровская хаза.

И появляться в тех краях не слишком полезно для здоровья.

Яна это понимала. Не то чтобы она знала о названии данного места, но – чего удивительного? Если кто думает, что в двадцать первом веке они исчезли, – зря.

Просто надо внимательнее изучить родной город – и сразу найдется много нового и неизвестного. Но тут еще важно ноги унести вовремя.

Свои Яна уносила.

Но медленно. Иногда приходилось возвращаться обратно, когда она заходила в тупички. И даже не слишком удивилась, когда дорогу ей преградили трое мужчин.

Нет, не мужчин.

Самцов.

Пол – мужской. Душа – подонка.

– Куда идем, господин хороший?

– Да, куда? – поддержал второй.

Третий промолчал. Но дубинку в руке повертел так, словно она ничего не весила.

Яна едва не фыркнула.

¹ Все названия глав взяты из стихотворения Р. Рождественского «Этих снежинок...» (Прим. авт.)

Ее приняли за парня? Хотя чего удивляться. Костюм – мужской. Рюкзак скрадывает фигуру общими очертаниями. Куртка достаточно бесформенная, под нее и волосы убраны. А кепка на манер «Гиви-аэродром» отлично скрывает лицо. Да и уши закрывает.

Специально себе такую заказывала...

– На ...да, – в рифму ответила она.

– Хамишь, мальчик?

Самый разговорчивый шагнул вперед.

Наивный... ну кто им сказал, что Яна будет разговаривать?

Или вообще – колебаться?

– Тебе, Хелла.

Револьвер в руке девушки тихо кашлянул. Раз, второй, третий...

Контрольных не потребовалось. Три тела оседали, подламываясь в коленках, запрокидываясь... Яна понимала – убила.

Всех троих.

Жалела ли она хоть об одном?

Смеяться изволите, господа?

Плакать о смерти троих гоп-стопников? Х-ха! Или вы считаете, ее остановили, чтобы пряниками угостить? Нет?

Вот и она думала, что нет. А значит, все правильно сделано! Всем спасибо, все свободны.

Яна быстро восполнила недостаток патронов, решила не убирать револьвер и зашагала вперед.

Рано или поздно эти помоечные закоулки закончатся! Это закон! Все плохое рано или поздно заканчивается, надо просто потерпеть...

И пусть ее присутствие тоже потерпят. Мы мирные люди, но наш бронепоезд...

Местные жители поглядывали из-за заборов, но в драку не лезли. В такое время и в таком месте каждый сам за себя. А подставляться ради неясно чего? Парень резкий, парень крови не боится... ну и пусть его! Иди с миром, но... да. Именно туда и побыстрее!

Яна и шла. Не туда, но – действительно, побыстрее бы...

* * *

Жом Тигр открыл глаза и сладко потянулся.

Хорошо!

Есть в этом нечто чудесное! Когда просыпаешься довольный жизнью, когда большая часть этой жизни еще впереди, когда...

Так, минутку. А где Яна?

Любовницы под боком не было. Впрочем, жом этому не слишком удивился. Случалось.

Яна старалась не проводить у него всю ночь, могла уйти под утро. Не из стеснительности – она прямо и честно объяснила, что женщине требуется уединение. И есть вещи, которые лучше скрывать от мужчин. Разница полов, понимаете ли...

Жом объяснение принял.

Не первая женщина в его жизни, так что дамские ухищрения он себе примерно представлял. Но... первая, которая его настолько заинтриговала.

Умная. С удивительным набором знаний и навыков.

Совершенно не скрывающая свой ум.

Первая, наверное, в его жизни женщина, которая совершенно спокойно принимала его таким, какой он есть. Первая, которая спокойно смотрела ему в глаза и не боялась. Не кланялась. Не сгибалась внутренне...

Тигр ощущал эту силу, как свою. И... Любопытно же, жомы и торы! Просто – любопытно!
Откуда может взяться такое сокровище?

А как на нее отреагируют остальные освобожденцы?

И Пламенный?

Обязательно надо взять Яну с собой, в комитет... показать ей всех. Еще интереснее, какую она кому даст характеристику...

Тигр потянулся еще раз – и поднялся. Поезд потихоньку замедлял ход, да и за окнами замелькали домишки. Звенигород скоро. Времени – в обрез.

Пока водные процедуры, пока утренний туалет (не типа сортир, а бритье, укладка волос, чистка зубов, маникюр), пока одежда – хорошо хоть, можно одеться просто. Полувоенная одежда – гимнастерка, галифе, высокие сапоги... вполне удобно, тепло, аккуратно – и никакого аристократического вида. Ни к чему...

В быту жом Тигр комфорт любил.

Но – не стоит дразнить товарищей по борьбе.

Наконец мужчина затянул на талии пояс и посмотрелся в зеркало. Отлично...

Так что там Яна?

Жом Тигр вышел из своего купе и постучал в соседнее.

Сначала тихонько. Потом посильнее. А потом и дверь открылась.

Купе было пустым. На столе – листок бумаги. На нем грубо нарисованная тигриная морда. Рисовать Яна не умела, но очень старалась.

Жом взял листок в руки. Развернул.

Прости, прощай и не ищи. Мы хорошо провели время, надеюсь, я тебя ничем не обидела. Не верю, что отпустишь добром, поэтому ухажу без долгих проводов. Пламенный привет освобожденцам.

Еще раз целую – и прощай.

И отпечаток губ на листке. На подпись Яна не расщедрилась. Хотела, но рука сама собой выводила на листке нечто замысловатое, да с завитушками...

Хелла, зараза! Твои шуточки?

Так вот оставишь автограф княжны из дома Вороновых – и кар-р-р-р! Отловят и ошпилют!

– Милость Хеллы!

Жом в мгновение ока превратился из Тигра ленивого в Тигра с отдавленным... да нет, не хвостом! Самолюбием! А это намного страшнее!

Его что – бросили?!

Его?!

Бросили?!

Мысль о том, что сам он примерно так и поступал с женщинами, как-то не пришла в Тигриную голову. А если и пришла – то очень быстро оттуда удрала с испуганным визгом.

Так не бывает!

Не должно быть!!!

Жом Тигр вылетел из купе, на ходу призывая начальника охраны.

Ага, размечтались, наивные господа!

Тщательный обыск поезда ничего не дал – Яна сошла раньше. Ни девушки, ни следов – ничего. Записка на столе – и только.

Жом Тигр форменным образом осатанел. И высказал много нового и интересного про компанию раздолбаев и идиотов, которых может обвести вокруг пальца одна девчонка...

Идиоты и раздолбаи сопели, но не спорили. Огребли они за дело.

Действительно, если так легко сойти с поезда... а может, и войти не сложнее?

И принцепала они не лишились по чистой случайности? Вот не захотелось даме изобразить из себя Юдифь – и выжил некий Олоферн. Потому как дама осталась довольна и счастлива. Вот и не поднялась рука на хорошего человека. Довольная жизнью баба никого убивать не захочет.

Думать об этом было грустно.

Жом Тигр высказался еще непечатнее и отправился к себе в купе. Обидно было...

Как в детстве, когда у него отняли новую удочку! Он еще и порыбачить не успел, а уже... обидно! Безумно обидно...

Почему она ушла?

Почему так?

Ну... Не отпустил бы! И что?! Понимать же надо!!!

Но кто поймет этих баб?!

* * *

Жом Тигр не ожидал оркестра и цветов. Но хоть бы кто встретил...

Куда там!

Машину – и ту не прислали!

Жом плюнул, рывкнул – и приказал. Хоть как извернуться, но машину родить!

Машину ему пригнали через полчаса. Старую, но достаточно надежную, лионесскую, с закрытым верхом. Так что жом смог отправиться в комитет вполне спокойно.

А вот в комитете...

Яна бы полюбовалась – и высказалась про сгусток концентрированной вихревой энтропии. Жом Тигр таких слов не знал, не пришло еще время их общедоступности. Но это было именно оно.

И центром сгустка был жом Пламенный. Он отдавал приказания, ругался по телефону, кого-то и куда-то посылал...

Жом Тигр наблюдал за процессом минут пять, а потом нажал на рычаг телефона. Жом Пламенный соизволил поднять голову и посмотреть на него.

– Ты?

– Я.

– Вовремя...

– Для чего? – почти зарычал Тигр. – Какого... тут происходит!?

Настроение у него и так было не бог весть какое, а уж теперь...

– Наследник объявился.

Жом где стоял, там и сел.

– КТО?!

– Наследник Петера.

– Как?!

– А вот так!

Выяснилось, что с утра сегодня три раза ударил колокол.

С чего?

Кто в него ударил?

Так никто, в том-то и дело! Это ТОТ САМЫЙ колокол! Царь-колокол!

Который звонит при вступлении императора в наследство...

Вот и получается, что наследник в столице. А кто он? Откуда он взялся?! И главный вопрос – как бы его найти?

И – нет! Это не розыгрыш!

– Можете. И объясните заодно этой балбеске, что она никуда не едет!

Кира в очередной раз взывала. Нарочито высоким голосом, так, что аж зубы занули.

Анне стало жалко девочку. Что в старости – насмешка, то в юности – целая трагедия. Но что именно так расстроило ее воспитанницу?

– Куда нам надо ехать? И что происходит?

– Нюся! – взывала благим матом Кира. – Папс обурел!

– Цыц, паршивка!

Борис Викторович с размаху треснул ладонью по столу.

Аня подняла ладони.

– Борис Викторович, так куда хочет поехать Кира?

– На какой-то косплей...

– Что за косплей? – повернулась Аня к Кире.

Все оказалось не так страшно.

Косплей оказался всего лишь костюмированной игрой. По некому Гарри Поттеру.

Школьники сорганизовались, поделили роли – и хотели пару дней провести в усадьбе дворян Рахманиных.

Нет, не тех, из которых композитор вышел. Просто – Рахманины.

Усадьба сейчас тем и жила, что принимала тусовки, в ней проводили вечеринки, приемы, приглашали туда гостей...

Школьникам такой подарок устроил отец одного из учеников параллельного класса. Мальчик фанател по мирам Роулинг, читал все, что достанет, носил полосатые шарфы – исключительно красно-желтые, «битловские» очки, даже шрам себе хотел сделать в специальной клинике...

Пока отец останавливал.

А вот подарить ребятам пару дней косплея? Это запросто! Пусть играют дети.

– Я буду Нимфадорой Тонкс! Я уже договорилась, и костюмчик есть, и вообще...

Анне эти самые Тонксы и Поттеры ну ни о чем не говорили. Главное, что это не заразно. Но...

– Борис Викторович, когда и поиграть, как не в молодости?

Лицедейство Аделина Шеллес-Альденская крайне не одобряла. И это было еще одним доводом в пользу Киры.

– У ребенка должно быть нормальное детство. В том числе и общение со сверстниками в неформальной обстановке.

– Анна, вы понимаете, что там может случиться что угодно?

– Догадываюсь. Но ведь с Кирой могу поехать я?

– Мне еще гувернантки не хватало! – обиделась девочка.

– Я могу поехать не как гувернантка.

– А как кто?

– Как твоя двоюродная сестра, к примеру. Дальняя родственница по материнской линии. Или по отцовской. И Борис Викторович будет спокоен, и тебе, наверное, будет уютнее. Все же лучше, когда есть кому о тебе позаботиться...

С этой точки зрения Кира вопрос не рассматривала.

– Как позаботиться?

– Хотя бы костюм погладить. Или бутерброд приготовить. Скажи, что я возьму на себя часть кухни, – и ко мне будут относиться спокойнее.

– Хм...

Кира задумалась.

Соглядатаи ей были не нужны.

Вот кто, скажите мне, кто захочет ехать на косплеи со взрослыми на шее?! Это легче сразу удавиться! И не оторвешься в свое удовольствие, и всю малину... обкакают.

С другой стороны, это не абы какие взрослые, это Аня. А она почти своя...

За прошедшее время Кира привязалась к Анне.

Они вместе готовили, вместе занимались домашним хозяйством... и Кире неожиданно понравилось.

Уборку делать – нет, это не так интересно. И белье гладить скучно.

А вот организовать работу других людей так, чтобы все было сделано словно само собой, без сбоев, без проблем, без хаоса... Анна распорядилась спокойно и деловито, она никого не оскорбляла и не давила авторитетом. Но все делали так, как она хотела. И именно то, что нужно.

Как-то она умела это объяснить...

Оказывается, так тоже можно!

А блюда, которые Анна готовила словно бы мимоходом?

Сервировка стола?

Борис Викторович пару раз приглашал друзей, так все норовили потом пролезть на кухню – и к кухарке! И все такие невинные...

Точно – хотят увезти!

А знали б они, что это Анна, – вообще не выгнать было бы!

– Нюся, ты...

Анна едва заметно улыбнулась краешками губ.

– Я постараюсь не дать тебе наделать...

– Глупостей?

– Нет. Того, о чем ты потом пожалеешь. А глупости – делай, на то и молодость.

– Старушка нашлась!

Кира фыркнула особенно ядовито.

Анна пожала плечами. Простонародный жест, но... Она – не старуха. Она приговоренная к смерти, разве что с отсрочкой приговора на год. Фактически она уже умерла.

– Борис Викторович, вы отпустите со мной Киру? Пока у нас есть возможность?

– Пока?

Анна опустила глаза.

– Моего сына скоро должны выписать. Мне придется увольняться. Простите.

– Увольняться? – искренне удивился Борис Викторович. – Почему?

– Вы в курсе моей биографии, – Анна не спрашивала, она утверждала. – Мне не с кем оставить сына, и я не могу забрать его сюда.

Борис Викторович медленно кивнул.

Он явно о чем-то думал.

– Ладно... Кира, иди, собирайся. Анна едет с тобой, скажешь всем, что она – наша родственница. Скажем, двоюродная сестра твоей матери. И – слушаться ее во всем.

– ПАПС!!! Я тебя люблю!!!

Счастливый ребенок (неважно, сколько ей лет, все одно – девочка, малышка) повис на шее у родителя, обляпал его губной помадой – и умчался.

Борис Викторович недовольно потер нос.

– Где Кира взяла этот кошмар?

– Помаду? Мы купили в магазине, – пожала плечами Анна.

– Лиловую?

– Ребенку лучше поиграть в игрушки дома, чем опозориться на людях. Здесь и сейчас она красится из упрямства, но не пожелает быть смешной в глазах друзей. Кира вовсе не глупа, она поняла, что этот цвет ей не к лицу.

– Интересно, кому он может быть к лицу?

Анна пожала плечами.

– Возможно, вампирам?

– Хорошо, что они не... косплеят по Дракуле. Анна, когда выписывают вашего сына?

– Примерно через две недели.

Гошку уже перевели из реанимации, и Анна с радостью навещала его.

Хелла, какое же это было счастье!

Обнять сына, стиснуть его плечи, посмотреть в глаза – и услышать тихое «мама»...

Да, сынок.

Я подвела тебя однажды, но больше я не дрогну. Все сделаю! Чтобы ты вырос большим и сильным, способным равно и защитить, и защититься.

– И когда вы хотели об этом сказать?

– Сегодня или завтра, как получится. Мне жаль, если я вас подвела, Борис Викторович...

– Анна, почему вы не можете привезти сюда сына?

– Потому что вы этого не одобрите, – пожала плечами Анна.

– Почему?

Ответа не было. Борис Викторович улыбнулся.

– Анна, забирайте сына из больницы и привозите сюда. С Розой Ильиничной я сегодня поговорю. У нас есть гостевые комнаты, там как раз есть одна – на две спальни и маленькую гостиную. Вы с сыном отлично разместитесь.

– Моя работа – Кира.

– А Кире надо научиться о ком-то заботиться. – Борис Викторович потер переносицу. – Я хочу быть честным, Анна. Я собираюсь жениться, Лиза захочет еще детей. Как отреагирует Кира?

– Отрицательно. – Анна даже не колебалась. – Очень.

– А если научится о ком-то заботиться? Будет ли она ревновать к вашему сыну?

– Безусловно, – позволила себе улыбку Анна. Как все одинокие дети, Кира была очень ревнива к тому, что считает своим. Анну она уже зачислила в «свою собственность».

– Но ваш сын – не младенец, а вы – умнее Лизы.

Анна кивнула.

– Вы хотите устроить тренировку?

– Именно. Косплей, если хотите. Вы сможете справиться с детской ревностью?

– Я постараюсь, – задумалась Анна.

– Тогда идите. И позовите сюда Розу Ильиничну. Я распоряжусь подготовить комнаты.

Анна чуть заметно поклонилась и вышла из комнаты.

Борис Викторович проводил ее задумчивым взглядом. Но один он оставался недолго.

* * *

Роза Ильинична вошла быстрым шагом.

– Аня просила меня зайти?

– Да. Роза Ильинична, присаживайтесь.

Домоправительница кивнула и удобно уселась в кресло. Откинулась на спинку, вытянула ноги.

Борис Викторович невольно сравнил их с Анной. Вторая садилась на край стула, с прямой спиной, и выглядела абсолютно естественно. И на голову хоть книгу клади. Интересно, где ее так научили?

– Что случилось? – сразу взяла быка за рога мамина старинная подруга.

– Я хочу, чтобы Анна с сыном пожилы у нас. Какое-то время.

– Аня говорила, ей через пару недель ребенка забирать из больницы, – тут же кивнула Роза Ильинична. – Гостевая спальня на втором этаже?

– Да. Там, где две спальни.

– Сделаю. Это правильно...

– Тетя Роза, – Борис Викторович не так часто позволял себе подобный тон, и только наедине, – как тебе Аня?

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты знаешь, я женюсь на Лизе...

– Знаю. Вот паразитка, прости господи мою душу грешную...

– Все так плохо? – К подобной аттестации Борис Викторович прислушивался.

– Определенно. Даже хуже. Избалованная она до крайности. И братец ее такой... то ей птичьего молока подавай, то соловьиного меда. Всех загоняет и с Кирюхой сцепится.

– А если между ними Анна будет?

Роза Ильинична задумалась.

– Может, и сойдет. Не знаю. Боря, обязательно тебе на этой... криксе жениться?

Борис Викторович улыбнулся.

Крикса.

Любимое мамино слово для обозначения тех девушек, которые не доросли до стервозности, но уже переросли обычную склочность и вздорность.

Жаль, что это слово применимо к Лизе...

– Денег много не бывает. И детей мне хочется. А что до остального – Лиза неплохая. И мать у нее хорошая, домашняя. Воспитаем.

– Думаешь?

– Анна чудеса творит. Может и справиться.

– Это при условии, что Лиза твоя захочет видеть Анну в своем доме.

– А куда она денется?

Роза Ильинична хмыкнула.

– Боря, ты как хочешь, но лучше б ты на Анютке женился. Вот уж кто... хозяйка! И Кира ее любит, и ребенок у Анны есть, она и еще родить сможет. А деньги... всех не заработаешь!

– Тетя Роза... – Ругаться Борис не хотел, но и выслушивать все эти заявления – тоже. Как-нибудь он сам со своей личной жизнью разберется!

– Ладно. Ты хозяин, тебе и решать. Но к Анне присмотришь, не девочка – золото.

– Пусть сына перевозит сюда. Мне Ромка рассказал, где она живет, – это тихий ужас.

– А почему она там живет – рассказал?

– Конечно. Деньги она на лечение сына потратила, это правильно. В общем, ты комнаты подготовь, как Анна попросит, хорошо? Может, там мальчишке чего надо...

– Надо, наверное. Компьютер у нас старенький есть... для Киры он маломощный...

– Роза, ты посмотри. Если что – купи тихонько, а Анне скажешь – отдали. Поняла?

– Поняла. Сделаю, Боречка.

Женщина поднялась из кресла, потрепала хозяина по волосам – и вышла из кабинета, на ходу становясь опять экономкой.

Борис Викторович откинулся на спинку кресла.

Жениться на Анне?

Смешно...

Пусть Кирюшку дрессирует, так лучше будет!

* * *

– Аня, это круто! Ваще улет!

– Согласна, это замечательно, – кивнула Анна. – Давай соберем все, что нам понадобится на два дня...

– Зачем? Мантию я уже положила.

– А под нее?

– Хм... джинсы?

– Джинсы. Кроссовки, свитер, рубашка – две штуки, лучше даже три, нижнее белье...

– Ань, не грузи, а?

– Тебя не нагрузишь – так ты и не потонешь.

В Анну полетела подушечка с кресла.

– Вредина!

– Я хорошая, – парировала Анна, уже немного освоившая подростковый сленг. – И если бы не я, Нимфадору Тонкс ты бы отыгрывала дома. Вот покалечишь меня – и все отменится.

– Подушкой?

– Ею тоже придушить можно. Посмотри на этот свитер?

Кира кивнула.

Свитер подойдет. И вон тот тоже...

И кстати! Можно взять клевою красную маечку! И косметику! И топик!

Вдруг дискотека будет?

Анна согласилась и принялась упаковывать вещи дальше. Надо сложить их так, чтобы не помялись. Мало ли где они окажутся, вдруг не будет возможности погладить?

Русина, окрестности Ирольска

Яна сразу узнала бы эту деревню, хотя ночью та выглядела лучше. Днем же... нищета – она и есть нищета. Дома маленькие, кое-какие и топятя по-черному, клочья полей и огородов, чахлый лес.

Краски?

Серая, черная и коричневая. Еще не пришло время синтетических красок, да и дорого!

Оружие?

Три ружья на всю деревню, и те допотопных времен.

А еще – все, как водится. Кто-то богаче, кто-то беднее...

Что такое продрозверстка, крестьяне уже знали. Когда началась война с Борхумом, император приказал покупать хлеб по твердой цене.

Невысокой, все верно.

На рынке можно было взять дороже... только ты доедь до рынка! И получи ту цену! Дождись покупателя, добейся, сбереги деньги... А если хочешь продавать хлеб государству, тебе этот хлеб и привезти помогут. И заплатят честно...

Идея была не самой плохой. Сорвалась...

Как многое у Петера – по его личной глупости и разгильдяйству.

Прежде чем рожать гениальную идею, надо было приструнить родственничков и придворных, которые орали про убытки. Но это-то полбеда! Поорали бы – да и поели. А вот то, что эшелонов не хватало! Хлеб было не на чем перевозить, он попросту гнил...

Крестьяне были прекрасно об этом осведомлены. Стоит ли удивляться, что идея померла в зародыше?

Жом Пламенный пошел дальше.

Принцип добровольной сдачи хлеба отменялся. Вводился обязательный.

«Борьба за хлеб есть борьба за свободу», – красиво выразился жом. Что под этим понималось? Немало.

В каждом селе создавались так называемые комбеды – комитеты бедноты. И создавались они для учета.

Учета чего?

А чего попросят.

Кто любит смотреть на суп в чужой тарелке? Да тот, кто над пустой сидит!

Причины, конечно, могут быть разные, от болезни и смерти кормильца до лени и пьянства. Только вот вдов и сирот в тех комитетах не было. А были там крикуны, болтуны, лентяи, которых палкой бы загонять на поле, да и заставлять работать. Той же палкой.

Нет?

А стоило бы...

Жом Пламенный рубанул сплеча.

Каждый владделец хлеба обязан весь избыток, сверх запасов для обсеменения полей и личного потребления до нового урожая по установленным нормам, сдать в месячный срок после объявления постановления.

Все трудящиеся, неимущие крестьяне должны объединиться для беспощадной борьбы за свое освобождение. С кем?

Так укажут, не переживайте. А пока собирайтесь в комбеды! И стучите, граждане, стучите. Если что – самым активным дятлам – пятьдесят процентов. То есть наклепал на соседа, взяли с того четыре мешка зерна, так два тебе отдадут. Здорово, правда? И так справедливость умножает! В разы! Понятно же, из злости, зависти или мести никто клеветать не станет, все будут доносить честно, и никто не воспользуется возможностью свести счеты! У нас же как? Если бедные, то обязательно порядочные!

Комитеты Освобождения и лично жом Пламенный в это очень верили.

Владельцы хлеба, имеющие излишки и не вывозящие их на ссыпные пункты, а также все растрачивающие хлебные запасы на самогонку являются злостными врагами трудового народа².

Что делают с врагами? А вот то самое и делают... и не рассчитывайте, что вас пожалеют.

Прасковья об этом декрете тоже слышала. Сложно бы не слышать, когда явились к старосте два десятка «збройных»³, сунули ему оружие в нос, да и пригрозили.

Отдавай хлеб, негодяй, не то...

Ну а вопрос, хочет ли человек жить, – он во все времена задается примерно одинаково.

Крестьяне жить хотели. И на вопрос, есть ли в селении кулаки и мироеды, ответили. Честно.

Почти...

– Ты мне, Иваныч, не дури! Мы ж не подонки какие! Пойми – зерно нужно! Голод в стране начинается! И заплатим честь по чести...

– Золотом?

Жом Кролик, прозванный так из-за длинных и выпирающих передних зубов, покрылся.

Ага, золотом!

От золота б он и сам не отказался! И уж точно не отдал его каким-то земляным червякам.

Увы, перед отъездом Петер так душевно освободил казну от лишних денег, что туда заходить было стыдно. То ли деньгохранилище, то ли бальный зал... В такую казну ворье – и то приглашать совестно, как бы на бедность подавать не начали...

Петер, сволочь такая!!!

Финансировать Освобождение было решительно не на что.

² Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. Наша история... (Прим. авт.)

³ Вооруженных, жарг. (Прим. авт.)

Но – бумага была. А потому жом Пламенный распорядился напечатать несколько тысяч облигаций, которыми и приказал расплачиваться за продукты.

Сейчас.

Временно...

А потом, через год или два, крестьяне смогут обменять эти облигации на деньги. Обязательно!

Кто-то из присутствующих не верит в дело Освобождения? Поименно, пожалуйста! И шаг вперед для удобства. Чтобы не промахнуться...

Крестьяне верили, конечно. Но сдавать продукты не торопились. Приходилось устраивать реквизиции.

Выглядело это так.

Сначала жом Кролик приходил в село или деревню и пытался уговорить сдать излишки продуктов.

Вот как сейчас.

– Ты мне, жом, деньги давай, – протянул староста, недовольно разглядывая бумажку. – А енто – шо? С ентим и в отхожее место не сходить – больно бумага плотная. Расцарапает усе...

– Сказано ж тебе, – огрызнулся жом Кролик. – Денег сейчас нет. Летом на деньги обменяешь, в Звенигороде...

– Летось... кушать-от сейчас всем хочется... и иде тот Звенигород? А иде мы...

Жом Кролик скрипнул зубами.

– Твой ответ?

– Ты мне денег дай, жом. А уж мы найдем что продать...

Хитрый взгляд старосты стал последней каплей.

От сильного удара дед улетел спиной вперед, только лапти в воздухе мелькнули. А дальше...

Два десятка человек.

Два десятка ружей.

Крепкие мужики... навалиться всем миром?

А вот что-то мир иногда наваливаться и не спешит... каждый о своей шкуре думает и о своей семье, и... вдруг пронесет?

Не пронесло.

Крестьян согнали на главную площадь – всех. Там и держали под прицелом пулемета, благо выдавался и такой на отряды. А освобожденцы шли по домам, отмечая – вот этот богаче, вот этот беднее...

Понятно же, где богаче – там мироед...

Кому-то понравился платок. Кому-то – подсвечник... Кто-то залез за икону в поисках денег... полетела на пол лампадка, жалобно зазвенело, разбиваясь, стекло...

– Что ж вы делаете, ироды?!

Фельдшер. Пьяный в темную голову, бесстрашный и решительный. За свои инструменты, приглянувшиеся мародеру, он готов был и зубами грызть... и так что пропало...

Ошарашенный солдат Свободы отступил на шаг. Фельдшер наступал, расхристанный, пьяный, вонючий, но яростный и, наверное, опасный.

– Не смей трогать, ты...!

Растерянность сменилась злостью, злость – действием.

Выстрел в деревенской тишине прозвучал громом небесным.

– Убили!!! – заголосила одна из баб. – У-У-У-У-УБИ-И-И-И-И-ИЛИ!!!

Прасковья себя особо умной не считала – не с чего. А только, увидев солдат за околицей, она мальчишек сразу из дома выпихнула.

Вспомнились слова той странной торы.

«Придут. Хлеб отберут, убивать будут, грабить, жечь... Ничем ты это не остановишь, только себя и детей сберечь попробуй...»

И Прасковья выпихнула мальчишек из дома быстрее, чем сообразила, что делает.

– Бегите в наш схрон! Там прячьтесь, пока я сама за вами не приду! И не смейте возвращаться!

Ванятка с Васяткой метнулись мышами, бегущими от кошки.

Они не помнили слов странной гостии. Но страх в голосе матери был убедительнее любой памяти. Страх – и ее глаза. Жуткие, темные...

Когда приходит беда, птица уводит врага от своего гнезда. Притворяется раненой, припадает на крыло...

Прасковья не может сбежать – ее будут искать. Но ее детей не найдут. Она скажет, что отослала их в соседнюю деревню.

И... не удержалась.

Стукнула к соседке.

– Мотря, детей и хлеб спрячь!

Послушается ли, нет ли... а все одним грехом на душе меньше будет!

* * *

Когда начали стрелять...

Когда раздался дикий крик: «Уби-и-и-и-ли-и-и!!!»...

Когда крестьяне заволновались...

Прасковья стояла рядом с Мотрей. Детей Мотриных на площади, кстати, не было. То ли в погреб пихнула, то ли на чердак, но хоть с собой не потащила.

Убивать будут, грабить, жечь...

Чутьем загнанного зверя Прасковья поняла, ЧТО сейчас будет.

Рванула за руку Мотрю, дернулась к ближайшему плетню... какие там заборы? Плетень, да еще и с прорехами, а к чему больше-то?

Все свои, все друг друга знают, никто чужого не замает...

Мотря была негибкой, она не понимала.

А...

Крестьяне заволновались.

– СТОЯТЬ!!! – заорал кто-то из «збройных».

Толпа – опасный зверь. Сейчас кинется, и их сомнут, задавят числом, уничтожат...

Не так их много, чтобы справиться, когда на людей находит остервенение. Они опасны... они кидаются, они зубами и когтями во врага вцепляются, они о себе уже не думают...

Те, кто носит оружие, знают об этой особенности. И – боятся.

Человеку в таком состоянии неважно – на пулеметы идти, на пушки... он – дойдет. И вцепится.

Прасковья упала за секунду до того, как раздалась первые выстрелы.

Упала, потянув за собой подругу.

Упала под плетень, откатываясь подальше от ног и дороги, на обочину...

Летом здесь росли лопухи. Густые, высокие, способные укрыть. Сейчас их не было. Но...

Никому до Прасковьи и дела не было.

Первые выстрелы.

Первая кровь.

Первые упавшие люди.

Крики, вой, растерянность толпы, которая не успела стать зверем, крики врагов – что бы они ни говорили о своих высоких целях, они все равно враги...

Те, кто приходит отнимать хлеб, отнимают самую жизнь. Они не могут быть никем иным – только врагами. Только убийцами.

Пуля – или голод?

Пуля милосерднее...

Прасковья лежала и молилась. И рука Мотри в ее ладони дрожала. Подруга была жива, это хорошо...

– Парашка, как же так...

Почему шепот слышнее крика?

– Не дергайся.

Сейчас важно только это.

Чтобы не пристрелили по ошибке. Не затоптали. Не...

У нее дети. Она должна выжить, остальное – побоку.

Ванятка и Васятка сейчас в лесу. Если мать не придет, они обречены. Она должна выжить...

А еще Прасковья знала – когда ее муж вернется... жены у него не будет.

И семьи у него тоже не будет. Женщина может простить многое, но когда их детям нужна была защита, мужа не было рядом. Когда ей нужна была помощь, его не было рядом. А коли так...

Не было тебя рядом?

Обошлись?

И иди к Хелле! Женщины могут простить – за себя. Но за детей они не простят.

* * *

Лежать пришлось минут пятнадцать. Но страшнее времени в жизни женщин не было.

Лежать, слушать выстрелы, слышать крики... а ведь и их тоже... могут.

Прасковья это понимала и лежала тихо-тихо. Мотря – та вообще обеспамятела от страха, замерла, аки заяц, и только тихо-тихо вздыхала. Иногда.

Наступающая зима покрывала лужи первым ледком, припорошивала легким инеем.

На белом кровь – алая. На черном – тоже алая.

Долготерпение было вознаграждено.

– Гони их по домам!

Крики, шум...

Прасковья вылезла, только когда на площади никого не осталось. И то – вылезла... Не встала во весь рост, не принялась отряхиваться, не пошла домой гордо и с достоинством... Перевернулась на живот, пнула как следует подругу, чтобы та пришла в себя, и кое-как поползла. Медленно, очень медленно, вдоль канавы...

Ничего.

Лучше пять раз покрыться грязью, чем один раз – накрыться землей. Мотря, похоже, думала так же. Она ползла за подругой и для разнообразия больше не вздыхала. Только икала. Тихо, часто и отчетливо...

Женщины отважились встать на ноги только ближе к окраине деревни, когда их не видно было за кустарником.

Мотря потрясла головой. Еще раз икнула. И – в ноги поклонилась Прасковье.

– Век благодарна буду, сестрица.

Прасковья ответила таким же поклоном.

– Кто доброе дело сделает, тому Господь оплатит.

– Воистину, – отозвалась Мотря.

На этом ритуал был закончен, и дамы перешли к делу.

– Парашка, откуль ты про таких знала? – принялась выпрашивать Мотря.

– Откуль... откуль, – проворчала Прасковья. – Предупредили. Беги домой да зарой в подполе что сможешь. Скотины у тебя вроде как немного, может, что и оставят... а вот зерно точно заберут. И детей приберут, у тебя старшенькая в пору входит.

– Я уж ей сказала ховаться в погребе...

– Ты меня послушай. – Глаза у Прасковьи были серьезными. Страшно серьезными. Страшными, как и ее слова.

Грабить будут. Убивать. Насиловать...

Тора Яна была права. Сейчас Прасковья благодарила Творца, что к ней на порог занесло эту женщину. Ее слова сбывались, но Прасковья надеялась выжить. Она знала заранее, у нее была фора. А это очень много.

Мотря кивнула. И затрусила к своей избе.

А Прасковья, не особо задумываясь, отправилась в лес.

А чего ей?

Подождут избу?

Да и пес с ней, самой бы живой остаться. Все одно там из живности только тараканы. Плохо, конечно, и добра жалко, а только жизни лишиться не хочется. Или, того веселее, не просто так ее лишиться. Мужики злые, молодые, голодные... если они здесь хоть на пару дней задержатся – в лесу оно безопаснее будет.

Остальная деревня?

Так и сами не маленькие...

Прасковья совершенно не рвалась бежать и всех предупреждать. Что – никому не ясно? После выстрелов-то?

После трех или четырех трупов, которые остались на площади? Кажется, там был фельдшер, кто-то из баб, пара мужчин... дядька Силантий... нет, точно Прасковья сказать не взялась бы. И то, что уже помнила, – чудо.

Лучше она в лесу с мальчишками отсидится, все спокойнее будет.

* * *

И было спокойно.

Когда она подходила к землянке.

Когда кинулись ей на шею сыновья.

Когда побледнел мертвенно Ванятка – мам, у тебя кровь на лице...

Чужая.

Повезло – это просто чужая кровь. Брызнуло, наверное. А могла бы и ее быть... Если бы не тора Яна, так и было бы. А еще она накупила бы всего и оставила в доме. И детей не прятала бы...

Глупость?

Так ведь мир!

Кому придет в голову такое проделывать, ежели войны нет? Когда враг приходит, тут понятно – ничего хорошего от него не ждешь.

А от своих?

От тех, кто с тобой на одном языке говорит?

Кто, может, вчера рядом жил, мало не в соседней избе... Прасковья, хоть и вся в тревоге была, а Федьку-бобыля заметила. Стоял рядом с одним из «збройных».

Стоял, смотрел, говорил что-то...

А и пусть!

Он-то знает, что у нее взять нечего. Разве что саму Прасковью, и то! Полувдovья жизнь никого не украсит...

А все одно – никуда она отсюда не уйдет. И продукты забирать не будет, разве что спрячет получше.

Прасковья помнила, как в ту зиму мальчишки у нее кусочек хлебушка просили. Помнила – и повторять это не хотела.

* * *

В лесу она прожила пять дней.

По ночам приходила в деревню, ни к кому не заходила, да и ни к чему такое было.

Дом ее так и стоял, никому не нужный. Поджигать? Зачем?

Обыск явно устроили, не нашли ничего ценного, разве пару полотенец забрали, да и пес с ними. А на пятый день и подводы из деревни двинулись.

Тут Прасковья и вернуться решила.

Ответила Мотре, что в соседнюю деревню бегала – там предупредить. Там с мальчишками и пожил. И лишний раз порадовалась.

Как уж там что...

Выгребли из деревни все лишнее. Забрали половину скота, овощи, зерно забрали, рухляди прихватили, старосту пристрелили, невесток его насильничали...

Мотря сейчас радовалась – она как только домой пришла, так дочку и отослала к родне. На дальний хутор.

Заходили ведь! Явно искали... дочка-то у нее в самый сок вошла – парни заглядывались. А коли насильничают?

Позор? Да плевать на тот позор! Чай, не деготь, отмоеся... А вот увечья... фершала ведь тоже... того...

Прасковья слушала – и ежилась. Что рядом-то просвистело, будто те пули. И нигде не сказано, что другие не придут.

Так она Мотре и сказала.

Прятать все. И дочку прятать. И сторожиться...

Темные времена грядут. Страшные.

И кровавые пятна на первом инее – только начало...

Русина, окрестности Зараево

– Тор Изюмский!

– Что случилось, Прощка?

Мальчишка подбежал, что тот конь, – бодрой рысью.

– Новости у меня, тор! Да такие!

– Какие?

– Тор, я подслушал тут... говорят о раскулачивании.

– Вот как?

– Не токма благородных будут в расход – еще и по деревням пойдут!

– Та-ак...

– Говорят – кулаки, мироеды...

Вот кто бы сомневался?

Что обещают революционеры? Одно и то же! Блага всем, кто пойдет за ними! Точнее – кто дойдет. Но чтобы эти блага раздавать, надо их откуда-то взять.

Производить? Покупать?

Зачем?

Куда как проще произвести перераспределение. Был ты голытьба на селе – так найди самого богатого и отними у него добро. И подели на всех.

А там и пропить можно!

Не хватит?

А что – у вас один богатей на селе? Нет, конечно! А не найдем, так назначим...

– За села решили приняться?

– Тор... да.

– И кто же у нас в кулаки попадает? Не говорили?

Прошка почесал в затылке. Так, для стимуляции памяти. Немного...

– У кого техника есть. Кто ее в наем отдавал или рабочих нанимал. Али торговал...⁴

– Почитай, треть села. Любой зажиточный хозяин подойдет...

Тор Изюмский едва за голову не схватился.

Это ж как!

Если эта шваль на усадьбу налетит – он отобьется. А на села? На его людей? Его крестьян?

В каждом селе охрану ставить? Армию иметь надобно! И то не поможет... а если по паре человек – тоже не поможет. Перебьют...

Но и людей без защиты оставлять нельзя. Крестьяне его кормят, не будет хлеба, так и он зубы на полку положит.

Что же делать, что делать?!

Яна, Звенигород

– Б...!!!

Что может быть хуже?

Стоять перед закрытым домом – и не знать, куда все подевались?

Вообще – куда угодно. Если у Илюшкиной сестрички ума хоть на капельку больше, чем у диванной подушки, она уедет из столицы.

Яна бы уехала.

Если ума будет больше, чем у козы, – уедет за границу, на всякий случай прихватив ценности.

Меньше?

Хм... а куда бы рванулась коза? В хлев?

Вряд ли. Когда горит дом, животные не бегут в огонь. Но то животные, они умные. А что сделает Ирина-как-ее-там?

Яна вздохнула.

Что угодно. Предсказать действия человека, о котором ты ничего не знаешь, – невозможно. Метаться – глупо. Выход?

Найти того, кто знает ответ.

И девушка еще раз пнула дверь.

Закрото и никого нет. Какие есть варианты?

Пойти расспрашивать по соседям. Только не в таком виде, сейчас ей и двери-то не откроют. Где тут можно остановиться и привести себя в порядок?

⁴ Кодекс законов о труде. Только сокращенный. (Прим. авт.)

Глава 2. Как запоздалая месть летнему буйству трав

Работают ли гостиницы во время революции?

Да как вам сказать...

Если где господа есть, там и халдеи будут. Другой вопрос, что живущим в гостинице стоит опасаться визита Комитетов Освобождения. А вот они как раз Яне были без надобности.

Ей вообще в Звенигороде задерживаться...

Ни к чему.

Но надо бы хоть переодеться где, да и попробовать поспрашивать.

Лебедева, говорите? Ирина Ивановна?

Вдова с ребенком...

Яна огляделась по сторонам.

А почему бы не попробовать? Улица здесь не то чтобы очень парадная, вымощена даже не камнем – досками. Брусчатая мостовая. Но выметенная. А значит – что?

Где подметают, там и дворники есть. А коли есть дворники, будет и информация.

Как вызвать дворника?

Эм-м-м... в этом веке – непонятно. А так они на мусор реагируют! Яна точно знала.

Вот сидишь в институте на подоконнике, грызешь мороженое, а потом доела – и куда бы бумажку деть? Так вот, стоит попробовать бросить ее на пол, как тут же из полной пустоты (куда там джиннам из арабских сказок?!) возникает уборщица в синем халате. И ты слышишь про себя много всего лестного.

А вот чем бы тут насвинячить?

Яна подумала, потом вытащила из сумки бутерброд, припасенный еще с поезда, – и огляделась, выискивая местечко почище.

Сейчас перекушу, а бумагу, в которую бутерброд был завернут...

– Энто ишшо че такое?! А ну брысь отседова!

Местный дворник был еще круче институтской уборщицы тети Симы. Он появлялся не в момент и не после совершения тяжкого преступления насвинячивания. Он явился еще ДО оного.

В претензии Яна не была. И о презумпции невинности не заикнулась. Вместо этого уважительно склонила голову.

– День добрый, уважаемый жом.

– Ну... добрый.

– Скажите, пожалуйста, вы здесь убираете?

Вежливость – первое оружие. Любого разумного. Дворника оно тоже притормозило, как медведя – рогатина.

– Ну... энто... я, да. А шо?

– Чисто тут у вас. Везде разруха, развал, а у вас хорошо, чисто, выметено все, как языком вылизано. Вот и хотела присесть перекусить. С утра во рту росинки маковой не было.

Дворник пригляделся повнимательнее.

– Простите, жама. Не признал.

– Сейчас так лучше, чтобы не признавали, – объяснила Яна. – Я пока из провинции добиралась... плохо в стране. Маетно. А к подруге приехала – той нет дома.

Дворник посмотрел еще немного, подумал...

– Идемте ко мне, жама. Я вам чайку налью...

– Благодарствую! – расцвела Яна. – А только что ж я без угощения! – В пальцах сверкнула серебряная полтина. – Может, вы скажете, где к чаю... прикупить?

Произошло чудо.

Монета сверкнула – и растворилась в воздухе, полностью опровергая все законы химии и физики. Дворник расплылся в улыбке.

– Так я, жама, сейчас вас устрою, да и схожу. Чего вам ноги бить... видно ж! Пехом шли, устали...

Яна и не спорила.

И пешком шла, и устала...

Другое дело, человек, который вырос на кордоне, может и по лесу долго ходить, и не слишком страдать от голода. Это сейчас шоколадки – мармеладки – плюшки – фигнушки... А раньше как?

Идешь в лес, а что взять-то с собой? Зимой проще, ничего не пропадет. А летом? Когда сыр плачет, колбаса за два часа протухает, кефир скисается... Остаются вареные яйца, хлеб и огурцы с помидорами. Тверденькими такими.

Яна так и привыкла с детства. Отец так ходил, ее приучил. Она бы и еще часика четыре спокойно прогуляла, не кушая. Но – надо было выманить джинна из бутылки! И ведь сработало?

* * *

В дворницкой было чисто и уютно.

Маленькое помещение начиналось с тяжелой двери, перед которой был положен скребок. Яна честь по чести отряхнула ноги и вступила в крохотную кухню.

Печь, стол, люк в подпол.

Дверь в комнату. Не слишком большую, Яна заглянула. С топчаном, комодом и сундуком.

Инструменты, похоже, хранились или в подполе, или еще где...

Два окна глядели в стену, так что даже в самые солнечные дни здесь будет грустно и пасмурно. Но в комнату девушка не полезла, уселась за столом, ждать.

Дворник себя ждать не заставил, вернулся и плюхнул на стол пакет с продуктами.

Горлышко бутылки, стыдливо выглядывающее из свертка, Яна вежливо не заметила.

– Как вас зовут, жом?

– Трофим я, жама.

– А по батюшке?

– Игнатъевич.

Яна протянула руку.

– Яна Петровна. Можно просто Яна. Рада знакомству, Трофим Игнатъевич.

Дворник метнулся взглядом по сторонам, подумал – и предложил универсальное:

– За знакомство?

* * *

Через четыре часа Яна отвалилась к стене с чувством выполненного долга. Трофим уснул, уговорив «четвертушку», а потом и еще одну, а она попивала чаек, отдыхала. Она-то поила щель в полу комнаты. Давно научилась, не пить же невнятное пойло?

И бегать никуда не надо, и искать, и прыгать...

Вдова Лебедева отправилась к родителям. И сына с собой взяла.

Куда?

Да говорила, что у нее имение есть. У ее родителей...

Куда?

Вроде как под Синедольском. Городок такой, понятно, гор там отродясь не было, но называли же! Туда, кажись, на поезде пару дней ехать надо. Или конями...

Яна вздохнула.

Поезд, лошади... Поезд – это хорошо, но сейчас они почти не ходят. Лошади? Не ее это! Не ее!

Даже если допустить, что она купит лошадь, справится с ней – это возможно, все же на кордоне росла и верхом ездила несколько раз. На машине чаще, но и на лошади верхом случалось несколько раз. Но лошадь же!

Животное! Которое надо кормить, за которым надо ухаживать, которое надо еще и охранять – и в чем ехать? Верхом? В телеге? В пролетке?

А она проедет?

В России не дороги, а направления? Так в Русине тоже направлений хватает! Как направят...

Пешком идти?

Яна почесала кончик носа. Ей бы хорошую вещь... велосипед! Смех смехом, а штука-то замечательная! Выдержит любые нагрузки, зависит только от сил наездника, пройдет и по дорогам, и по бездорожью... и ездить Яна умела.

А где бы можно разжиться сей полезной в хозяйстве новинкой?

Большой плюс: овса ему не надо, ржать не будет, кормить-чистить тоже ни к чему, и меняться может. То есть или всадник на велике, или велик на всаднике – отец им в лесничестве тоже пользовался. Удобно, по лесным дорогам-то!

Яна прикинула хвост к носу.

Ей бы разжиться велосипедом. Машиной – лучше, но под нее топливо нужно, опять же заметно. Это она от Зараево до Ирольска доползла, и то все скляла. А тут центр Русины, тут еще веселее будет...

Отловят и покритикуют.

И машина едет только по дорогам. А велосипед – и по тропинкам, и по проселкам, и по полям, и куда ноги вывезут. И на поезд его погрузить можно, и в машину...

Лучше бы поезд, но на вокзал не хотелось. Поезда освобожденцами проверяются, а плодить трупы в стиле американского вестерна Яне совсем не хотелось. Не удержится ведь, прибьет особо ретивых.

Итак...

Проспится Трофим – выясним, где можно разжиться полезным девайсом. А пока можно и самой чуток подремать. Только револьвер поближе положить, к руке. Так оно надежнее...

Свободные герцогства

– Сколько?

Торговаться Нини раньше не приходилось, но тут! Возмущение девушки было настолько велико, что прорвалось наружу. А там и поздно стало.

Пожилый мастер поднял брови, глядя на нее с возмущением.

– Вас не устраивает моя цена, тора?

– За этот перстень? Конечно, нет! Вы нолик прибавить забыли!

– Нолик!? Да помилуйте мою седую голову! Камень мутной воды...

– Что!? Ну-ка, дайте сюда свое стекло... где вы видите муть?! НУ?!

– И вот, похоже, трещина...

– Да вы, любезнейший, лупу свою проверьте! А не мой камень! Ну-ка, поглядим... я так и знала! Стекло паршивое. И волосок...

– Ну... ладно! Но размер камня...

– Размер? Ну-ка, выскажитесь мне про размер или огранку? Думаете, я не знаю, кто его гранил и сколько это стоит? Это вам не кабошон, камень полностью симметричный, рундист

чистый, калетта цела! Цветовая зональность ровная! Смотрите, как свет ложится при преломлении! Ни одного окна вы не обнаружите! И не надо мне рассказывать про полосы!⁵

Ювелир поежился.

– Тора, вы...

– Я знаю, о чем говорю! Вы мне еще про ребра расскажите и сколы поищите!

– Ну... ладно! Вот моя цена!

Нини топнула ножкой. Лежащий рядом пес поднял уши, но, увидев, что хозяйка вне опасности и сама кого хочешь загрызет, успокоился. Положил голову обратно на лапы.

Собака в банке?

Выгодного клиента туда и с крокодилом пропустят!

– Я же сказала – прибавьте нолик! И так вы заработаете! Не три цены, но половинку вы возьмете. И оправу не забывайте, за такую цену вы ее практически даром получаете!

– Да что там той оправы?

– Ну если для вас несколько грамм золота не ценны, можете мне оставить, – парировала Нини, которая продавала перстень с бриллиантом.

Тот случай, когда камень хороший, а сам перстень особой художественной ценности не имеет. Памятной – тоже. Мало ли что в сокровищнице обнаружится...

– Вы, тора, хорошо разбираетесь, – заворчал ювелир, который не собирался выпускать из рук отлично ограненный бриллиант весом чуть ли не сорок карат.

Прозрачный, конечно, и не слишком уникальный, но чистой воды, без проблем с огранкой и прочим... если его в хорошее изделие вставить, тут и две запрошенных девчонкой цены возьмешь. Но как не поупираться? Как не попробовать продавить соплячку?

– Еще откуда у вас такой камешек, тора?

– От родителей, – парировала Нини, нимало не смущаясь.

А что?

Даже если ее опознают... и? В свободе она потеряет, а в деньгах еще и приобретет!

– Хорошо, – скрипнул, сдаваясь, ювелир. – Деньги...

– Мы в банке, так что деньги можно сразу поместить в мою ячейку, – парировала Нини. – Банк будет гарантом нашей сделки.

Это она тоже почерпнула от Анны.

Сестра настрого запретила ей ходить по ломбардам и ювелирным магазинам. И приказала сразу же идти в центральное отделение банка, а там говорить с управляющим. Тоже есть риск, но все же меньше.

Сказать, что хотела бы продать кольцо. Что банку будет процент за посредничество. Что деньги лягут на счет в том же банке...

Нельзя сказать, что это идеальный вариант. Но банки своей репутацией обычно дорожат. И по мелочам мошенничать не будут. А потом...

Сначала Нини нужны реальные деньги. Да, и арендовать в банке ячейку. И объяснить, что она не одна, у нее есть родня, которая скоро приедет и еще привезет много чего хорошего...

Яна не могла предусмотреть все. Но в чем могла, она старалась девочку обезопасить.

* * *

К вечеру у Нини были деньги.

⁵ Окно – это участок на камне, сквозь который может происходить утечка света. Рундистом называют край камня, поясок, соединяющий верхнюю и нижнюю часть камня. Нижняя точка на камне – калетта. (Прим. авт.)

А на следующее утро она поехала по городу присматривать подходящий дом. Не слишком большой, но и не очень маленький, в центре, с подозрительными и вредными соседями... да, иногда это – громадное достоинство!

Когда в доме одна девушка, противные соседи становятся незаменимы. Кто, как не они, вовремя заметят беспорядок или какую проблему? Кто будет следить за соседкой лучше всякой полиции? Кто не пропустит появления подозрительных личностей?

То-то же...

А отсутствие личной жизни перенести можно, все одно пока рано. И прислугу нанять надо, и охрану, и...

Нини подумала, а потом решила пойти на курсы. Сестер милосердия.

А если в городе таких нет, так она просто в лазарет отправится, авось не выгонят ее!

Слишком хорошо она помнила, как Анна вытаскивала из нее пулю, ругаясь такими словами, что и бывалый боцман покраснел бы. Прочно впечатались в память и боль, и беспомощность...

Так вот!

Больше – никогда!

Зинаида Петровна Воронова не будет беззащитной жертвой! Не дождетесь!

А еще надо купить револьвер и научиться хорошо стрелять! Нини даже не сомневалась – пригодится!

Борхум

Война – это не только поле битвы. Война – это снабжение.

Это склады с оружием и продовольствием, это рельсы, по которым идут поезда, это собственно поезда, которые перевозят все к месту назначения.

И объясните, зачем сидеть в засаде и стрелять?

Нет, ни к чему это. Убьешь правителя? Так война-то не прекратится! Война – это поставки, это закупки, подряды, деньги, деньги, деньги... В основе каждой войны лежат экономические причины, это верно для любого мира и времени, и остановиться война может только в двух случаях.

Первый – это если одна сторона завоевала вторую.

Второй – это если для начавшей войну стороны она будет решительно невыгодна. Какое воевать, когда у тебя дом горит? Тут уж не до склок с соседями за огород!

Дмитрий Сергеевич Ромашкин подошел к вопросу со всей серьезностью.

Зима...

Что может воевать? Практически ничего. Но вот готовить к отправке на фронт всякие полезности...

О да!

И для начала – бронепоезда!

Шикарная штука, на три платформы! Каждая платформа служит основанием для прошитого и проклепанного корпуса из листового стали. Внутри он укреплен стальными переключателями, и пробить такой кожух пулями или шрапнелью просто нереально!

В стенах «скорлупы» прорезаны бойницы. В два ряда, друг над другом, для сидящих и для стоящих людей. Чтобы воевать с комфортом.

В самом корпусе вольготно размещаются пятьдесят человек, которые преотлично могут вести стрельбу по врагу.

В задней части корпуса расположена пушка. На легко вращающейся платформе, достаточно мобильная, так, что можно вести веерную стрельбу.

Паровоз также одет в броню, разве что кончик трубы торчит наружу. Ну и окраска – защитная. Цвета хаки, так элегантно... в белый решили не красить, все же зимой не воюют...

Сколько такое стоит?

Не спрашивайте! Бронева сталь, вооружение...

Ромашкин прямо-таки облизывался... Это ж прелесть! Мечта диверсанта!

Итак, имеются динамитные патроны...

* * *

Борхум – прелестное место, просто прелестное. И люди там хорошие, и очень скрупулезные, обязательные, педантичные. Если сказано – «от и до», так они и будут действовать. Именно что от – и до. Но никак не налево, не направо, не рядом...

Так сказано?

Так и будет сделано! И виват инструкция.

Ромашкин инструкции тоже знал. Пара купюр – одному, стакан шнапса – второму, сговорчивая баба – третьему – и вот тебе расположение караулов во всей красе. И расписание, и порядок смены, и что пожелаешь. Конечно, бронепоезда охраняют. Шутка ли? Десять штук!

Но в том-то и дело!

Сейчас они стоят на путях рядом с Морельском.

Территория достаточно большая, полностью депо не заблокируешь, рельсы туда ведут... ну разве что оцепление в три ряда поставить, но и тогда...

Депо.

Не надо воображать себе картину – в ночи крадется террорист, стигаясь под тяжестью тюка со взрывчаткой!

Ни к чему!

Митя точно знал, надо использовать технику! А потому...

И снова – ничего сложного! Подумайте сами, сколько поездов! И сколько в поезде приятных потайных мест! Надо просто найти человека, который провезет ему килограммов двадцать-тридцать первосортного динамита! А уж такие вопросы господ террористы решать научились еще в каменном веке.

Не было тогда террористов?

Ошибаетесь! Они всегда были, просто записей не сохранилось. Они об этом позаботились. Поездов не было, а террористы и диверсанты точно были. И ходили пакостить соседнему племени, чтобы чужаки аппетиты соизмеряли и чужих мамонтов не уводили.

Митя изучал расписание поездов, потом принялся изучать проводников – и нашел того, кто ему понравился.

* * *

Стефа Падловского по имени никто не называл.

Падла – и все тут.

Фамилия так точно отражала его характер, что ни убавить, ни добавить! При взгляде на этого мужчину лет пятидесяти, не слишком высокого, худощавого, седоватого, подлысоватого, с желчным лицом, на котором навсегда оставили свой отпечаток и больная печень – последствия пристрастия к алкоголю, и перелом носа – пьяные всегда храбрецы, – у людей возникали примерно одни и те же характеристики.

Сволочь, склочник, скандалист...

И ведь оправдывалось!

Стефа закономерно не любили коллеги.

Стефа закономерно не любило начальство.

Терпело, ибо подлизывался он виртуозно и пресмыкался вдохновенно. Но – не любило. Кому ж такое понравится? Пользоваться слизняками можно, они даже полезные, наверное. Но любить и уважать? Энтомологов на железной дороге не было.

Да, Стеф работал проводником...

И сегодня он шел домой.

Дома ждала жена. Дома ждали дочь, зять, внук... мелейшая, в сущности, семья. Правда, соседи с ними старались не общаться, друзей у них не заводилось, а родственники и вообще безговорили общением. Поговорить могли, но звать такое домой?

Увольте!

Но это, понятно, от предвзятости! И вовсе тут ни при чем Стефино пьянство, которое прекратилось только лет пять назад. По пьянке Стефа так в живот пырнули, что два месяца в лежку лежал. А доктор (все врачи – враги трудового народа!) тогда и высказал, мол, будешь горькую хлестать, и штопать не буду. Все одно сдохнешь! Чего на тебя время, силы да лекарства переводить?

Как многие падлы, Стеф был труслив и предупреждению вял.

С водкой завязал и устроился на работу. Раньше-то он нигде не задерживался. А родственники? А что – рабочий человек права выпить не имеет?

Гады непонимающие!

И ни при чем тут был склочно-стервозный характер жены. И ни при чем тут было поведение единственной дочери, которая гуляла со всеми парнями (пьяное зачатие промаха не дает).

Просто родственники – сволочи!

И начальство – сволочи!

Он уж и так, и этак... а его все одно держат на «сидячих вагонах». Ему бы в купе или СВ... ну хоть бы в плацкарт! А его держат на «сидячих», для самого такого быдла! А что с него возьмешь? Десяток яиц? И то... скорее уж в морду дадут, чем взятку!

И никакой тебе благодарности, и денег не заработаешь... тьфу, а не работа!

Кругом враги!

Так, с мрачными мыслями и шел домой Стеф, когда навстречу ему из переулка вышел хорошо одетый господин. Явно из торов.

– Ох!

Столкнулись они хорошо! Стеф аж на землю полетел. Но обложить гада в три ряда не успел.

Мужчина тут же охнул, рассыпался в извинениях, поднял Стефа и предложил посидеть где-нибудь.

Стеф подумал – и согласился.

Дома ждала семья, но видеть ее лишний раз не хотелось, Стеф потому и проводником устроился, чтобы лишний раз дома не бывать. Уж больно сволочную жену он себе подобрал!

И денег нет, и живут они плохо, и люди говорят...

Тьфу, гадина! И дочь не лучше! Даешь деньги – молчат, не даешь – сутками пият, дряни...

Нет, домой ему вовсе не хотелось. А собеседник оказался понимающим...

* * *

Дорогой коньяк. Хорошая закуска. Красивые девушки. Карты – почему нет?

И утреннее пробуждение.

Из приятных, ничего не скажешь! Стеф проснулся в одной постели с очаровательной и профессионально услужливой девушкой, выпил немного хорошего коньячку, хоть голова,

считай, и не болела, позавтракал там же, в постели, наслаждаясь каждой минутой... и спустился вниз.

Вчерашний знакомый так и ждал.

– Доброе утро, жом Падловский.

Собственная фамилия Стефу не нравилась. Но возразить он не успел. Мужчина продолжил:

– Надеюсь, вы остались довольны девушкой?

– Да, вполне.

– И ужином?

– Да...

– Хотите повторить?

Стеф хотел. Но...

– Задарма только кошки дают!

– Это верно. Но я вам предлагаю неплохие деньги...

Деньги действительно были неплохие. А за что?

Да просто спрятать небольшой чемоданчик, да и провезти в депо. Там жом Айзек (не называть же свое имя всем подряд?) за ним и зайдет. Что в чемоданчике?

А вот это вас, жом Падловский, касаться не должно. Ни в коем разе... донести? Ну-ну... Я понимаю, что вы – человек серьезный, хозяин своего слова. Хотите – даете, хотите – обратно берете. Но советую посмотреть сюда.

Что это?

Ну... тут всего хватает.

И показание жамы Люлю, которую вы изнасиловали. И ее же показания, но уже по обвинению в краже. И в избиении. И не только ее показания.

Вчера вы немножко разнесли кабак.

Попортили мебель, стены, обивку, подожгли кое-чего, бутылки побили... вам не впервой, правда? И убытков тут немного – пара десятков тысяч на золото... выплатите! Нет?

Ну... Не выплатите. Посидите в тюрьме лет двадцать... ладно! Сколько высидите!

Подстава?

Да что вы, милейший! Это не подстава. А вот если вас – или кого из вашей семьи темной ночью встретят да ноги переломают? Всякое ж бывает... Вылетит из-за угла пролетка, или динамит в дровах окажется, или... Вам семья и жизнь как – дороги? Или обойдетесь?

Перед тяжким выбором между деньгами и мучительной смертью Стеф закрыл глаза – и мужественно выбрал деньги.

Дмитрий мило улыбнулся – и пообещал. Сразу же, как только получит свой чемоданчик. Целым и невскрытым! Но если что – мы приличные контрабандисты, любезнейший жом, если договоримся, будете нашим постоянным каналом. Есть такие травки, вы понимаете, такие полезные травки, которые почему-то не одобряют таможенники. Но вы же знаете, как избежать их внимания?

А ваши вагоны почти никогда не обыскивают!

Да и обыскивали бы – чтобы проводник хабар не спрятал? Не бывать такому!

Стеф с этим был полностью согласен. А впрочем, выбора у него так и так не было.

* * *

Два дня спустя он сидел на подножке вагона и поеживался.

Темнота.

Ночь.

Холодно.

Еще и нервы, конечно. Хотя ему и обещали крупную сумму, но ее еще получить надо. А вот посадить могут...

Полиция не дремлет.

Проверят, и – готово. Вообще, здесь тщательно проверяют... проверяли.

Сначала – очень тщательно. Потом – стало проще и спокойнее.

Есть такое понятие – транспортная развязка. Вот Морельск, вроде бы небольшой городок, был именно такой транспортной развязкой. Железнодорожным узлом. Здесь и депо, здесь и ремонт, здесь и отстойник для поездов... в отстойник сейчас бронепоезда и загнали. Но перекрыть-то его нельзя! Там же и ремонтные мастерские!

Чем и собирался воспользоваться Ромашкин.

Стеф услышал собачий лай, еще поехал. Может, не придет этот... опасный?

Но ждать надо.

Страшно...

* * *

Скрытно проникнуть через периметр, пролезть под носом у охраны, отвлечь их...

Все верно. Но зачем устраивать шоу с перестрелками, погонями и прочим? Приличные диверсанты ходят тихо.

Пришел, ушел, и только когда все взлетело на воздух... и тогда никто не догадается, кто именно приходил. Вот это правильная работа.

Митя старался так и действовать. Но и на старуху бывает проруха.

Сейчас он не мог попасться. А потому...

Какое средство способно напрочь отвлечь внимание и людей, и собак? Да собачья же свадьба. Ищем и находим течную сучку, собираем на нее кобелей – и запускаем все это на территорию. Охраняемую. Или поднимется шум и гам... он в любом случае поднимется, тут вопрос только – со стрельбой или без. Но, как правило, в собак не стреляют.

Зачем? Шавки и шавки. Разбегутся...

А Митя, пока все будут заняты: люди – собаками, собаки – размножением, спокойно проникнет на территорию. И уйдет так же спокойно.

Сучка попала небольшая, светленькая, с черными пятнами вокруг глаз и на спине. И очень удачная. Кобелей она собирала быстро – вот уже штук десять, и все косятся, аж облизываются... Митя сделал еще несколько шагов, поставил собачку на землю и прицельно пнул.

Низко полетела.

К дождю...

Кобели бросились за ней. Митя отступил в темноту. Теперь подождать немного, а там... без него весело будет!

* * *

Весело и было.

Митя?

Да там трехголовый Змей Горыныч пролететь мог на бреющем полете, приветственно помахивая хвостиком, никто бы его и не заметил. Кобели помчались за сучкой, кого-то по дороге цапнули, какой-то ретивый идиот выстрелил, сторожевые собаки рвались с поводков, лаяли, рычали, порывались подраться с пришельцами... кому тут есть дело до скромного диверсанта?

Пара минут – и вот Митя уже в отстойнике.

Найти нужный поезд было чуточку сложнее, но вот и он. Специально такой подбирал, чтобы в ближайшее время загнали на профилактику. Да и проводник...

Вот он, родной, сидит, ежится, словно по нему червяки ползают.

– Добрый вечер, – поздоровался Митя.

– Добрый. Наконец-то!

– Где мой груз?

– Где мои деньги?

Митя, не споря, достал пачку.

– Половина. Груз?

Чемоданчик был извлечен из-под пола в считанные секунды.

– Забирай.

– Сейчас, проверю...

Митя коснулся замков, быстро пробежал пальцами по «секреткам». Все на месте, ничего не открывалось. Это тот чемодан.

– Держи.

Чемодан поставить. Достать вторую пачку денег – и протянуть проводнику.

Тот тянется за деньгами, смотрит Мите в глаза – и в это время острие заточки входит ему в грудь. Прямо в сердце.

Длинная острая спица протыкает продажного дурачка почти насквозь... вот так! Отлично!

Митя ловко выхватил деньги из разжавшихся пальцев. Вытащил из кармана у трупа вторую пачку.

– Я обещал тебе деньги – и отправлю их твоей семье.

Обещал.

Но ведь Митя не обещал оставить продажного подонка в живых? Любые обещания можно трактовать двояко. Вот и...

Жалко негодяя не было. Мир чище будет!

Митя ловко запихнул тело под вагон. Авось еще и премию какую его семье дадут, когда найдут. Скажут – защищал бронепоезда или еще что придумают.

Ладно. Не до него...

Митя пригнулся, пробежал несколько метров, нырнул под поезд, второй, третий... лишь бы не заметили.

А вот и бронепоезда.

Громадные, страшные даже сейчас, в своей жутковатой неподвижности. А какие они будут в бою?

Митя надеялся, что этого никто не узнает.

Он ловко поддел ногтем одну из секреток. Чемодан открылся сбоку. Замки тут были чисто бутафорские, дави, не дави...

Динамит...

Митя принялся быстро доставать динамитные шашки. Теперь еще шнуры и фитили, вот так...

Один, второй, третий...

Митя передвигался от поезда к поезду. Времени у него было мало. Пока собачья свадьба правит бал на территории, тут слона можно провести. А вот когда ее разгонят... скорее рано, чем поздно. Тогда и караульные будут внимательней, и собаки злее... хотелось бы уйти ДО того момента.

Патрон, еще один...

В чемодане было тридцать килограммов динамита. Тряханет – Хелла зачесется.

М-да.

Одно неосторожное движение...

Хорошо – взорвется штук пять патронов – и остальные сдетонируют. Но до этого надо еще дожить и убраться отсюда. Целым и невредимым.

А шнур не так чтобы очень длинный.

Профессиональный риск.

Мысли не мешали Мите передвигаться от одного бронепоезда к другому. Ползти под вагонами, перетаскивать тяжелый чемодан, крепить динамитные патроны...

– Стой!

Окрик вроде бы был негромким.

Митя замер, прижался к здоровущему колесу... заметили?

Темный силуэт человека, ружье росчерком на фоне неба... куда он смотрит?

В противоположную сторону.

Но тогда – что?

Из темноты вылетела задиристая шавка, промчалась, громко лая... Митя выдохнул.

Убить?

Не ко времени, и стоит неудачно. Пусть поживет еще... недолго, с полчаса.

Митя прикинул расположение бронепоездов и развернулся обратно. Пора, уже пора...

Шаг, второй...

Вот и центральный бронепоезд. Очень удачно расположен. Митя достал из кармана спички, чиркнул серной головкой о намазку на дощечке, поджег фитиль.

Тот загорелся, тихо потрескивая.

Десять минут, не больше.

Пора брать ноги в руки. И – ходу!

Митя метнулся в темноту, прополз под одним бронепоездом, вторым, третьим... охрана пока еще занята собаками. Но бежать все равно не стоит. Путь отхода он себе присмотрел.

Собак как раз выгоняли с территории.

А вот и дрезина.

Митя рванул куртку, под ней обнаружилась железнодорожная шинель. Вот так...

Фуражку он прихватил у Стефа.

Куртку в сторону, самому в дрезину – и дернуть за рычаг. Железнодорожник, который куда-то едет, – самое обычное зрелище.

Митя почти физически чувствовал, как утекают минуты... пути, конечно, перекрыты, но тут уж не до жиру.

Дрезина мчалась, ускоряясь с каждой секундой...

– Стой! Кто...

Договорить охранник не успел.

Митя выстрелил.

Раз, второй, пригнулся...

Отлично!

Охрана ждала тех, кто будет прорываться к поездам, а не от них. Вот и не среагировали сразу, а теперь уже поздно, поздно...

Дрезина мчалась.

Позади нарастал шум, кто-то кричал, стреляли... А вот впереди и приметное дерево. Митя огляделся, закрепил рычаг – и рыбка прыгнул под насыпь.

Перекатился привычно, ловко... какое-то время они потратят, гоняясь за дрезиной. А ему того и надо. Митя свернул в сторону, заполз в канаву и накрылся приготовленным там листом жести.

Ждать.

Теперь – только ждать и надеяться.

– Там крестражи были!

– Значит, его нужно было убить несколько раз. Пусть с промежутком лет в пять-шесть, так что же? Можно было бы даже праздник организовать – день убиения Волдеморта. Тоже мне, сакральное знание. Учебный процесс не организован, школа полузаброшенная, спорта, считай, нет, преподаватели каждый год меняются, программа страдает, директор в звездочках, это я книгу цитирую... я бы на их месте Волдеморта в президенты выбрала. И пусть мучается! Сам бы через пять лет убился. Семь раз – и об крестраж. А если бы пошел в школу работать... Кира, вот представь себе Волдеморта в вашей школе?

Кира представила.

Подумала пару минут.

– Убился бы. Но быстрее.

– Вот. А если его в правительство, там бы еще интереснее было.

– Думаешь?

– Кира, а ты на своего отца посмотри. Он бизнесмен, а сколько работает? Думаешь, у президента обязанностей меньше?

– Больше?

– Намного.

– Ну-у-у-у-у... Ань, когда ты так говоришь, оно какое-то странное...

– А как ты себе это представляешь? Полиция, спецназ, армия, а с террористами боремся мы с тобой?

– Тьфу! Не порть мне удовольствие!

Анна пожала плечами.

– Не буду. Но и в игру меня не тяни, хорошо?

Кира кивнула. Но глаза у нее как-то хитро блестели. Явно не успокоится...

Яна, Русина

Нельзя сказать, что велосипед оказался Яниным идеалом.

Начнем с того, что он был трехколесным. Сиденье высоковатое, руль низковат, регулируется... да ничего не регулируется, шины каучуковые, цельнолитные, сама машинка тяжелая, но...

Но время он Яне точно сэкономит!

Надо брать!

Яна отдала за велосипед почти сто рублей и принялась его осматривать и смазывать. Цепи, колеса, все перебиралось и обильно умащалось машинным маслом. Увозилась Яна капитально, но овчинка выделки стоила.

Трофим, которому перепала десятка за посредничество, был доволен и счастлив. И даже предложил девушке ночлег.

Яна отказалась. Дала денег и попросила купить ей хлеба в дорогу.

А сама ускорила.

Ох, ни к чему ей тут оставаться. Кто-то верит в бескорыстную помощь, оказанную одинокой девушке с деньгами? Да еще во время революции?

Серьезно?

Вот лично Яна не верила.

И стоило Трофиму уйти подальше, как она заметалась по дворницкой. Собрала в мешок несколько кусков хлеба, кусок сала, остатки самогонки, несколько луковиц, головку чеснока, яблоки...

А чего это ей разыкалось? Точно, кто-то вспоминает. И уши горят подозрительно! А, пусть их! Выпить пару глотков воды, чтобы желудок отпустило, – и собираться дальше!

В компенсацию оставила на столе еще десятку – и выкатила велосипед на улицу.
Привычно уселась, положила руки на руль, надавила на педали...
Тяжело?
Нормально!
Поехали!

* * *

Икала Яна не просто так. Ее действительно вспоминали.
Жом Тигр.
Сейчас он думал, объявить девушку в розыск или нет? С одной стороны, хотелось. С другой...
А как?
Данное распоряжение выдавало его с головой. Искать какую-то бабу – считай, вчистую признаться в своей слабости. Именно к этой женщине. Подставить ее под удар. Кто-то верит, что соратники по борьбе помилуют Яну?
Жом Тигр в это не верил. Совсем.
Конечно, и у Пламенного была женщина, и у Урагана... да и у многих. Но...
Если бы кто-то убил супругу Пламенного... убил? Ну и черт с ней! Казнить. Всем спасибо, все свободны... надо бы поискать следующую.
А вот Яна уникальна. Где Тигр еще такую найдет? С которой они (совершенно неожиданно для серьезного мужчины) играли в крестики-нолики на раздевание, спорили над проектом реформ, до умопомрачения занимались... любовью?
Любовью?
Спали вместе, верно же?
Или...
Жом Тигр даже головой замотал.
Нет!!!
Никакой любви!!!
Ее вообще поэты придумали, чтобы денег не платить! Никого он не любит и любить не собирается, это просто лютый бред!
Да что вы себе придумали?!
Никого он искать не будет!
И... Яне так безопаснее. А самое безопасное место сейчас рядом с ним... девушка, одна, беззащитная, в столице...
Ага, с револьвером, из которого она птице в глаз попадет!
Жом не мог решить, что ему нужно. То ли Яна, то ли...
Ладно!
Свои люди у него есть!
Он просто поговорит. Пусть Яну деликатно поищут... Ну и приглядят за ней, если что.
Ему так спокойнее будет.
Яна Евгеньевна Поплавская. Имя он отлично помнил.
Да, пусть поищут.

Анна, Россия

– Милочка, вы же копия леди Малфой!
Анна, которая и думать не думала ни о какой копии, едва не споткнулась. И воззрилась на растрепанную девицу.

- Простите?
- Вот! Я же говорю!
- Вы меня с кем-то путаете, любезнейшая. Я не участвую в вашем... косплее.
- Ань, поучаствуй! – взвизгнула рядом Кира. – Анечка!!!
- Кира, милая, я уже слишком старая для ваших игрищ...
- Смейшься?!
- И я не умею. И не хочу. И...
- Аня, а я геометрию могу подтянуть...
- Кира посмотрела умоляющими глазами, и Аня сдалась.
- И английский.
- Хорошо! Йес!
- Оф кос, – согласилась Анна. И пошла вслед за распорядительницей.

Организовано все было научно. Неведомый благодетель понимал, что если позволить толпе школьников распоряжаться самостоятельно или бросить их на произвол судьбы, ничего толкового не получится. В лучшем случае – повальная пьянка с гулянкой. Поэтому были наняты несколько профессионалов, прописан сценарий, а распределение ролей...

Импровизация – наше все.

Неожиданно для себя Аня втянулась.

Ей и изображать ничего не надо было, просто ненадолго стать самой собой.

Аристократка? А она-то кто?

Беспокоится за своего сына? И это верно...

Аня не играла, она была самой собой. И так это красиво получалось, что кое-кто из мальчишек поглядывал с восхищением, забыв про разницу в возрасте, а главный герой и виновник торжества вообще показал Кире большой палец.

– Твоя тетка?

– Родственница, – не стала вдаваться в подробности Кира.

– Ваше потрясная! Не как все эти старперы...

Кира довольно улыбнулась. Правильно она Аню с собой взяла! Вот правильно...

Игра продолжалась весь день. А вечером были шашлыки. И костер, к которому так приятно было протягивать руки, и песни под гитару, которая оказалась как-то удивительно кстати, и горячий глинтвейн, в котором не было ни капли алкоголя, и звездное ночное небо...

Кира честно пыталась высидеть подольше, но так умоталась за день, что ее быстро сморил здоровый сон. Аня проверила девочку, укрыла ее одеялом и вышла из комнаты, которую им отвели на двоих. Повернула ключ.

Изнутри комнату тоже открыть можно, за это она не беспокоилась. Кира не испугается. А спать не хотелось.

Прошное властно надавило на плечи, всколыхнулось ледяной волной, приморозило душу...

Ее прошлое.

Аделина Шеллес-Альденская, невероятно прекрасная в белом платье и бриллиантах, голубые глаза смотрят надменно.

«Дочь моя, вы так неуклюжи»...

Сегодня Анна не узнала себя в зеркале. Белый парик, белый балахон, грим... она стала больше похожа на мать, как это ни странно.

И – страшно.

Родители остались там. Сестры, Илья... Яна.

Про сына Анна не думала. Ее сын был рядом с ней, она это твердо знала. Рядом...

Скоро она заберет его из больницы. Гошка...

На специально отведенной площадке продолжался шум и гам. Но туда идти не хотелось. Хотелось побыть наедине со своими мыслями, погулять, посмотреть на звезды, подышать чуточку морозным воздухом декабря...

Что у нас на карте?

Это Анна посмотрела, когда ехали в Рахманино. С одной стороны – деревня. Недалеко, около двух километров. И рядом, и шум не тревожит.

С другой стороны – поле. Туда идти не хотелось, грязь месить.

С третьей – старое кладбище. Там фашистов хоронили.

Кто такие фашисты, Анна знала из памяти Яны. Люди, которые искренне считали себя выше других и были уверены в своем праве распоряжаться низшими. То есть мразь.

Это Анна точно знала как урожденная княжна Воронова.

Она стояла на социальной лестнице выше многих и многих. Но делало ли это ее высшей? Или кого-то низшим?

Люди не равны, но не равны они не кровью или цветом кожи. Люди не равны своими способностями и талантами, умами и душами. И арийская, и еврейская нация может породить мразь, а может – и героя. Нет, нельзя судить, нельзя...

И, как человек, который видел Освобождение, Анна могла еще добавить – будь прокляты те, кто начинает войны! Будь прокляты навеки, до гроба и за гробом! Но думать об этом все равно не хотелось.

С четвертой стороны был небольшой перелесок. Посадки, как назвала это Кира.

Погулять там?

Почему нет...

Анна решительно направилась в сторону деревьев.

Страх? Страх она не испытывала. Но на всякий случай...

Яна была умна и запаслива. И оружие у нее было.

В кармане у Анны лежала заточка. Верная, надежная... пусть лежит. Не то чтобы она ее пустила в ход. Но...

Как многие люди, Анна в чем-то фетишизировала оружие. С ним было спокойнее. Хотя убивает-то не заточка, а человек. И чего стоит кинжал, если к нему прилагается слабая рука?

Но об этом Анна не думала. Она медленно шла среди деревьев.

Медленно-медленно, иногда застывая на одном месте. Она пыталась – что? Она и сама не знала, может быть, отогреться, а может, не заплакать... или наоборот?! Поплакать там, где ее не увидят?

Что-то недоброе разбудил в ней этот день, злое, нехорошее...

Именно поэтому ее и не заметили.

Анна произвольно сместилась в сторону кладбища – человек обычно заворачивает в сторону основной руки, вправо. Сместилась, а когда услышала голоса, стало поздно поворачивать обратно.

– ...сюда?

– ...и...!

Двое мужчин переговаривались.

Ругались.

Анна замерла на месте. Хелла, твоим именем! Да что ж такое?!

Бежать?

Она не рисковала. Сюда как-то дошла, а вот обратно? Сейчас хрустнет ветка или метнется луч фонарика... Единственное, что позволила себе девушка, – опуститься на колени и прижаться к дереву. И порадоваться, что у Яны вещи практичные. Немаркие.

Куртка была камуфляжной, в серо-бело-черных тонах. Ночью и не заметишь. Анна думала взять пальто, но потом остановилась на куртке и джинсах. И не прогадала.

А вот сапожки тонковаты, и носки она не надела. Ноги замерзнут...
Не до ног тут!

Двое мужчин разговаривали на русском матерном. Анна прислушалась – и скривилась от отвращения.

Мародеры.

Твари, ничтожества, шакалы помоечные! Существа, слишком трусливые для честного боя, но подлые, жестокие и опасные.

Во все времена таких давили...

Это было памятью Яны. Это было мнением Анны. И мышление Джоан Роулинг она просто не понимала, как ни старалась.

Как можно назвать компанию, которой предлагается восхищаться, мародерами?! Что за моральные установки у них в Англии? Может, еще педофилами прикажете восторгаться? Или некрозофилами? Фу, гадость!

Двое продолжали переговариваться.

Как поняла Анна, в войну здесь гремели бои. И усадьбу защищали на совесть.

Немцы отбивались, но в результате дом все равно взяли, их закопали...

А закопали точно не голыми.

Награды, оружие, трофеи, документы... нагрудные знаки и кокарды, каски и орлы, подковки с сапог и нашивки, портсигары и зажигалки, даже золотые зубы... Это же мародеры! Они не брезгливы!

А тут большая братская могила. Немецкая! Раскопать – и пожить.

И именно сейчас, потому как почва болотистая. Подмерзла, но еще не заледенела. Воды нет, а копать – в самый раз.

На основании чего-то один из мужчин был уверен, что здесь много «хабара». Второй так уверен не был, но первый настойчиво подгонял своего... сокрысятника.

Анна сидела и молчала.

Яма была уже наполовину раскопана. Обо что-то звенели лопаты – не сильно, но отчетливо. Вот бы полиция нагрянула?

Но куда там!

Ну хоть кто из усадьбы... или не стоит? Наверняка мародеры вооружены!

– Ах ...!!!

Из раскопа понеслись какие-то слова. Явно торжествующие.

Потом на поверхность вылез один из мародеров, тот, которого Аня окрестила «первым». Вытащил что-то из ямы, примерился, ударил лопатой. И разразился восхищенно-матерной речью.

Второй что-то сказал из ямы.

Первый ответил тем же матом и протянул вниз руку.

Левую.

Анна прикусила губу, чтобы не закричать. Но... мужчина потянул левой рукой из ямы своего товарища, а в правой руке блеснуло лезвие ножа.

Впитало лунный свет, хищно клюнуло мародера в левый бок...

Крик захлебнулся.

Мужчина полетел вниз.

– ...двоих не вынесет...

Кажется, Первый что-то сказал.

Анна не знала.

Дальше она двигалась, как автомат. И потом удивлялась себе. Но...

Встать.

Достать из кармана оружие. Отполированная Яной рукоять удобно ложится в руку. Ком земли летит в противоположную сторону. Пусть *этой* отвернется... хотя бы ненадолго. И он отворачивается на шорох. Смотрит в темноту, светит туда фонариком, дергается... Анне хватает времени.

Сделать буквально пять шагов. Почти пробежать их, словно телепортироваться. Вот только что она была здесь – и уже за спиной мародера.

И рука опускается вниз.

– Тебе, Хелла!

Шило исчезает в теле негодяя. Анна бьет снизу вверх, она ниже, она вообще не умеет убивать. Но словно Хелла направляет ее руку.

Шило находит дорогу между ребер – в сердце.

Мужчина издает страшный булькающий звук... кто сказал, что человек умирает сразу? Ошибаетесь... Несколько секунд продолжается агония, но Анна не трогает шило. Добывать не требуется. Это она понимает, она ведь помогала в госпитале.

И смотрит вниз.

В раскоп, где темнота...

Страшно?

Нет.

Анна подняла фонарик, медленно повела лучом... он еще жив, там, на дне ямы. Первый ударил его не насмерть. И человек корчился, извивался, словно змея, которую перерубили лопатой... Анна видела один раз.

Ее начало мутить. Она оглянулась – и на глаза попался нож. Тот самый, который уже отведал крови. Первый выдернул его из раны, да так и держал в руке. А когда она его... выронил на землю.

Анна подхватила оружие – и спрыгнула в яму.

Второй даже не понял, что над ним кто-то стоит. А Анна не колебалась.

Ранение в печень, человек обречен.

В этом мире – нет? Возможно, но сейчас Анна об этом не думала.

Нож опустился еще раз.

– Тебе, Хелла.

Еще одно сердце последний раз дернулось – и замерло. Анна вздрогнула – и словно наяву увидела усмешку богини. Надменную, холодную, жестокую...

И – ледяные чертоги смерти.

– *Мы сейчас вернемся в мир. Я – в ее, она – в мой. Я должна спасти и устроить в жизни ее ребенка, Яна устроит моего. Ровно через год мы опять окажемся здесь. За этот год мы должны принести вам четыре жертвы. Убить людей. А... все равно когда?*

– *Совершенно. Можно всех четырех за один раз, – кивнула Хель.*

– *За это вы нам даруете магию. Мы сможем убить любого человека, просто приказав ему...*

– *Смотришь на человека и говоришь: именем Хеллы я забираю твою жизнь. И он умрет.*

Анна поежилась.

Страшно стало, как тогда. Но...

Четыре жертвы?

Вряд ли она сможет убить еще кого-то. Но больше она Хелле ничего не должна. И... она теперь может убить одним словом.

Страшно-то как...

* * *

Расклеиваться все равно не было времени.

Анна примерилась к краю ямы.

М-да, неудобно. Земля крошилась под пальцами, осыпалась... поди, вылезь!

Анна оглядела раскоп.

С-сволочи!

Куда и сожаление об убитых делось?

Могилу раскапывали, твари. Вот кость, явно человеческая. И вот еще одна. И... череп скалится... не наступать же на них?

Или... а как выбраться? Выбора все равно нет!

А вот и лопата!

Великая княжна никогда раньше не выкапывала для себя ступеньки. Ну так что же... все в жизни когда-то бывает в первый раз. Да и память Яны помогла. Яна с лопатой управлялась вполне умело, хотя с саперной лопаткой было бы лучше.

Ступеньки получились паршивые. Но через полчаса Анна была наверху.

Первый тоже был мертв. Анна примерилась – и выдернула из него шило. Перебьется, ни к чему такие улики оставлять. И так...

И так проблемы будут, чего уж там! Если сюда придут с собаками... найдут по следу. Анна подумала пару минут.

А как собирались действовать копатели? Наверное, быстро выкопать, что им надо, и смыться. Может, у них тут рядом и машина стоит, но она ее не найдет. И найдет – вести не сможет. Тут никакая память не поможет, она просто в дерево въедет.

А из-за чего хоть Первый убил Второго?

Анна опустила глаза вниз.

Ох-х-х-х-х!

Урожденная княжна не позволила себе материться. А хотелось...

Небольшой чемоданчик. Металлический, похоже.

Полковая казна? Или что?

Анна опустилась пониже, посветила себе фонариком.

Ордена в мешочках. Какие-то книжки... Солдатские? Рядом – деньги. Бумага и немного золота... Хелла!

За такой куш действительно могут убить...

Анна тихо зашипела сквозь зубы.

Да, могут убить. Но... это спасение для Гошки! Если она сейчас это бросит... а если возьмет с собой? Отдаст отцу?

Если что, точнее, когда ее не станет и случится нечто непредвиденное, требующее расходов, Петр Воронов пустит это в оборот. Он сможет, знакомства есть.

Анна действовала как автомат.

И первым делом принялась обшаривать Первого. Не может быть так, чтобы...

О!

А вот и его рюкзак!

Самая прозаичная сумка из крупного гипермаркета, да не одна. Роза Ильинична такие называет «челночницами». Большие, на молнии, квадратные... Анне все не нужны. Одной хватит.

И в нее она быстро и уверенно перегрузила все содержимое ящика.

Что уж тут случилось?

Как было дело?

Может, сами немцы спрятали.

Может, кто-то из них уцелел и, не надеясь выбраться, припрятал потом в могиле эту вещь.

А может, и русские зарыли. И собирались вернуться за трофеями – почему нет? Анна никогда об этом не узнает. И мародеры... Шли они наугад – или знали нечто именно про ящик?

Да кто ж их знает!

Ой!

А это что?

Анна аж шарахнулась. Глаза защипало даже на расстоянии. Смесь молотых перцев. Черный, красный, еще что-то острое...

«От собаки, – подсказала память Яны. – Чтобы по следам не нашли».

Предусмотрительно.

А косплей будет длиться еще день. А если их найдут? Обыщут усадьбу?

Нет, надо это где-то прятать. Не брать с собой...

А где?

Поле. Лес. Усадьба.

Деревня в двух километрах...

Анна ненадолго задумалась, а потом принялась рассыпать смесь перцев. Шла и сыпала за собой. Сыпала и шла. И сумку тащила на себе... навскидку килограммов пятнадцать, не меньше. Мужу – что? Утащит! А женщине?

Не знаете вы, сколько может утащить на себе русская женщина! Если что – она и мужика утащит, вместе со всем его добром!

Анна уверенно двигалась к деревне. Неужели там не найдется подходящего места?

Да и случись что... пусть ищут третьего в деревне. Не в поместье.

* * *

Деревня спала.

Тихо и спокойно. Это в городе можно посидеть до часу ночи у телевизора, потом поваляться с утра побольше. А в деревне...

Курам такие вольности неведомы, их кормить надо. И поросят тоже, и коров, и навоз выгребать, и доить, и по хозяйству много чего делать найдется...

Дом – это всегда дом. А именно: миллион отложенных и пара сотен тысяч срочных дел.

На Анну даже собаки не лаяли – они несли свою службу. Вот если враг полезет во двор, тогда разговор другой будет. А пока он мимо идет...

Идет человек – и пусть его. Чего лаять? В деревне таких вольностей тоже не понимают. И побрехушке может перепасть чем потяжелее. Хозяину вставать рано, никто не лезет, мимо идет, а ты разгавкался? Н-на тебе... благодарность!

Деревня молчала. Анна шла по тихой улице, благо ни один фонарь не горел и в темноте ее не было видно, внимательно приглядывалась к домам.

А правда – куда бы деть сумку?

С собой ее не потащишь, у них с Кирой на двоих один чемодан.

И не заберешь завтра. Кира заметит, она девочка неглупая.

Надо устроить так, чтобы сумка пролежала неделю. Целую неделю, никем не найденная. Как?

Дома отпадали, даже необитаемые. Это легче сказать, чем сделать, – влезть ночью в дом... ага! Даже если там никто не живет, есть хороший шанс на шуметь и привлечь внимание соседей. И сломать себе что-нибудь нужное. А какие следы остаются! Слепой увидит!

Сараи?

Да то же самое!

А куда и что еще можно спрятать в деревне? Да так, чтобы никто туда не полез, хотя бы какое-то время? И ведь это не барсетка какая! Это вполне себе здоровущая сумка! Достаточно неудобная...

Анна бы растерялась. Но – повезло. Откровенно повезло.

Уже за деревней она заметила интересное место.

Когда-то это дерево погибло. Давно. Очень давно – с него даже кора уже слезла и остался голый серебристо-серый ствол. А потом кто-то решил этим воспользоваться.

Верхушка дерева то ли сломалась, то ли была спилена, и метрах в четырех-пяти над землей уютно устроилось аистинное гнездо. Серьезное, массивное, сделанное из старого колеса от телеги.

Аист – это вам не воробей, птичка массивная. Взрослый аист весит до двадцати килограммов. А их в гнезде двое, да еще аистята, которые тоже едят и растут...

У аиста только рост – метр, а размах крыльев – под два метра. Поэтому вопрос, выдержит ли гнездо, Анна себе даже не задавала. Янина память подсказала, что выдержит.

Осталось самых мелочей – влезть в это гнездо.

М-да...

* * *

Нереальные впечатления.

Вы лазили по деревьям ночью?

Зимой, изрядно замерзнув, на адреналине, да еще со здоровущей сумкой, которую пришлось надеть за обе ручки на спину, как рюкзак. Хорошо еще – наделась.

Куртку, правда, пришлось снять. И сапоги тоже, в них влезть не получалось, ноги соскальзывали. Анна в жизни по деревьям не лазила.

А вот Яна могла залезть хоть куда.

Во времена оны, когда она еще встречалась с Сережей Цветаевым, парень, решив поразить подругу, привел ее в клуб для скалолазов. И даже показал стену, на которой те тренировались. Скалодром.

Кажется, он даже пытался Яну поразить техникой лазания.

Девушка даже не издевалась. Но ей на скалодроме делать было решительно нечего. Подняться-спуститься?

И что?

Она на кордоне и не то проделывала, только без страховки. Ситуации разные бывают. И вообще – если ребенок живет в лесу и не лазит на деревья, значит, это очень замученный жизнью ребенок. Яна лазила. Анна...

Вспомнила она все ругательства, которые знала. Содрала кожу на запястье. Порвала свитер. Набила несколько синяков и шишек.

Но – влезла.

И удобно разместила сумку в самом центре гнезда. Так, что с земли ее видно не было.

Может, пролежит неделю?

Потом оделась – и поплелась обратно, к поместью. Что-то ей подсказывало, что это будет долгая дорога.

* * *

Когда Кира уснула, а Анна ушла – было девять вечера.

Когда Анна вернулась – было около четырех часов утра. Разошлись и уснули самые стойкие. Потому никто и не заметил вернувшуюся девушку.

Камеры?

Эм-м-м...

Стояли они, стояли. Только вот снимали реально штук пять.

На центральных воротах, на калитке, в главном здании, еще на улице, там, где была оборудована площадка для шашлыков. И все. А остальные были бутафорские! Народ пугать! Это ж рехнешься, какие затраты – всю территорию ими обвешать! И деревня рядом! Сопрут же! Наверняка сопрут! Или камнем кинут! Бывали прецеденты.

Анна пролезла через дыру в заборе – так было быстрее. Она и выходила через нее – рядом с домом, она во время косяка эту дырку и приглядела. Про камеры она даже не подумала. И жили они с Кирой не в главном здании, а в одном из вспомогательных. И мимо площадки она не проходила.

Вот на камерах и не запечатлелась.

А остальное...

Хорошо, что все спали.

И Анна могла спокойно оттереть грязные сапоги. Могла рассмотреть и спрятать разошедшийся по шву свитер. Хорошо, не вязаный, а из какой-то плотной ткани. Нитки не останутся.

Могла искупаться сама.

Вот поспать ей не удалось... ну так что же?

Великой княжне это было не впервые. Она еще успеет выспаться... или прикорнуть где-нибудь минут на пятнадцать. Этому их тоже учили.

С утра прием, потом обед, потом общение, вечером бал, и за всем надо приглядеть, а ночью разобраться со слугами, и на следующий день опять прием... И никто тебя от обязанностей не освобождает...

Анна это могла.

Она никому не покажет своего состояния. А что сложно...

Не в первый раз. Улыбаться и понимать, что живыми они из дома в Зараево не уйдут, было сложнее.

Улыбаться и помнить, что где-то там, далеко, без защиты и помощи остается ее сын, – еще страшнее. А она справилась. И сейчас тоже справится.

Анна посмотрела в окно.

Медленно падал первый в этом году снег. Белый и чистый.

Глава 3. Этих снежинок явь, призрачное крыло

Косплей продолжался. Нарцисса Малфой была очаровательной, разве что несколько бледной. Но ей же положено!

А вот ментов никто не ждал! И их появление восприняли... своеобразно.

Сначала решили, что это такая идея организаторов. Потом попробовали пригласить ментов тоже поиграть. А когда поняли, что все всерьез...

Вот тут бедным полицейским стоило только посочувствовать. Толпа избалованных подростков с поросячьим характером сообразила, что они косплеят, а неподалеку произошло – ОНО!

Реальное убийство!!!

Это ж...

А они все пропустили?!

А можно пойти?!

И посмотреть?!

И потрогать?!

И... и... и...

Полицейские и организаторы взвыли дружным хором. Но как вот ЭТО удержать? Когда штук двадцать подростков в самом шилопопистом возрасте рвутся на поиски приключений? И плевать им, что рядом – место преступления! Их только пусти!

Затопчут все не хуже, чем стадо слонов!

И так-то...

* * *

Конечно, есть тайна следствия.

Но есть еще и местный участковый.

И вполне себе местные повара на кухне – не приглашать же ради косплея поваров из дорогого ресторана? Хоть ты фуа-гррой весь дом облепи и форель из Швейцарии закажи, а подростки оценят пиццу. И картошку фри...

Аня зашла на кухню попросить чашку чая.

Вчерашний адреналин сказался – она не заболела. Но горячего хотелось. Как-то она себя не слишком комфортно чувствовала. Подмерзала, да и носом посапывала.

Чашка чая с капелькой бальзама и большим куском яблочного пирога пришлась кстати. А порция сплетен – еще больше ко времени.

Явившийся в гости участковый поделился новостями, и Аня узнала, что ночью какие-то... люди нехорошие раскопали старое кладбище.

Копали сбоку, ближе к посадкам. Видимо, что-то знали, потому что вскрыли большую братскую могилу. Теперь будет криминалистам проблем – перебрать все кости. Рассортировать, обыскать... да, наверное, надо историков вызывать. А погода-то швах...

Снег пошел. Да противный такой, мокрый, вчера погода расщедрилась, а вот под утро – дала жару!

Следы?

Да какие там следы по такой погоде? Если что и было...

Говорят, два трупа нашли. Понятно, кто-то третий там был! Ящик нашли вскрытый... вот, вроде как третий сначала одного убил, потом второго... а куда делся?

Неясно.

Машину не нашли – наверное, эти двое на электричке приехали. Да тут и не слишком далеко, всего километров десять до станции.

Куда третий делся? Говорят, в деревню. Сюда-то уж вообще для галочки заглянули. И допрашивали всех для проформы. Что вы видели ночью, что слышали, что делали... спали? Вот и чудненько, вот и ладненько. Спасибо, вы свободны! А следы точно вели в деревню... ну, сколько проследить смогли. Жуть какая!

Подлые какие люди! По могилам лазить! Да ладно бы в лесу нашли... понятно, надо захоронение на кладбище перенести, отпеть, по-людски все устроить. А тут?!

Могилу разорили!

На кладбище!

Если б этих тварей уже не убили, их бы деревенские сами... в чем-то в деревне нравы и проще. Шел, поскользнулся, сел попой на вилы... случайно. Раза три.

Так не бывает?

Еще как бывает! Вся деревня в свидетелях!

Свой мир. Закрытый и замкнутый от посторонних. И этим все сказано.

Анна слушала и думала, что ей повезло. Наверное...

Но когда она поедет за сумкой, надо быть осторожной. Очень осторожной. Электричка, говорите? Десять километров?

А расписание?

То, что придется ехать ночью, Анну не смущало. Она даже оружие с собой брать не будет. Зачем?

Хелле она верила. Если богиня сказала – убивать словом, значит, так оно и будет. И никакого орудия убийства. Очень удобно...

* * *

Разъехаться пришлось пораньше.

Хотели до утра остаться... планировали.

Ага, как же!

Устроители справедливо решили, что если детей не посадить на цепь и не приковать к чему-то тяжелому, они обязательно сбегут посмотреть на кладбище.

Как тут не поинтересоваться? Как не полюбопытствовать?

Отлавливать всю эту банду никому не хотелось, а потому... проще неустойку вернуть – и отвезти всех по домам.

Целее будут!

Ведь точно и пойдут, и полезут, и навернутся куда, и что-то сломают... на фиг – на фиг! Пусть едут домой! И родителям сообщить о форс-мажоре, пусть деточек возьмут на поводок на ближайшее время. Так что Анна и Кира возвращались в город раньше времени.

Анна была довольна.

Кира ворчала.

– Испортили косплей! Не могли эти козлы в другое время полезть...

– Не могли. Не согласовали, а жаль...

– Козлы!

Позвонить обеим и в голову не пришло.

Анна как-то не принимала в расчет сотовые телефоны. Ну да, они есть, это великое благо цивилизации, но... лично она их просто не воспринимала. Не получалось.

А Кира не собиралась предупредить. Из принципа.

Она домой едет! Пораньше, и что?

По какому поводу звонить? Это ее дом!

Впрочем, когда Кира увидела рядом с домом маленький «Мерседес CLK», ярко-красный и с уляпанной игрушками передней панелью, она помрачнела еще больше.

– Эта... Эта...

Анна положила ей ладонь на запястье.

– Кира, спокойно. Помнишь, о чем мы говорили?

– Да. Я не должна выставлять душой себя.

– Правильно.

– Я должна выставить душой ее.

– Умничка. Теперь осталось пойти – и это сделать.

– Ань, а ты сможешь?

– Конечно.

Не то чтобы Борис Викторович это одобрил. Но... девочку было жалко. Анна все понимала. И про браки по расчету, и про объединение капиталов, и про детей...

Но Киру все равно было жалко. Поди поживи с такой паразиткой под боком! Анне решительно не нравилась Лиза. Насмотрелась она таких во дворце – гадость редкостная. Впрочем, такие везде заводятся и везде себя мнят центром вселенной.

– Держи себя в руках, – в очередной раз предупредила она Киру.

– Слушаюсь, леди Малфой!

Они с девочкой прошли по коридору – и замерли на пороге. А в гостиной царил романтическая обстановка.

Цветы, свечи, столик на двоих... явно Киру тут не ждали.

Лиза и Борис Викторович сидели... Лиза сидела на коленях у будущего мужа – и щебетала. Тот обнимал девушку – и слушал. И даже не кривился.

Анна прислушалась. Речь шла о предложении руки и сердца.

Сейчас как раз обсуждалась дата свадьбы. Лиза хотела устроить ее летом, чтобы она вся такая воздушная, чтобы платье, фотки... зимой тоже здорово, и манто можно продемонстрировать, но – неудобно. Столько всего надо объехать, посетить, а если она замерзнет? И нос красный... И насморк?

Нет-нет!

Лето – и никаких гвоздей!

Опять же, сейчас УЖЕ декабрь! Пока платье! Пока белье, туфли, пока гости, приглашения, праздник, да и дом немного надо бы переделать для молодых...

Тут бы управиться до лета! А то ведь можно и не успеть!

И кольцо на пальце девушки. С большим, вульгарным бриллиантом. Впрочем, некоторые девушки признают только такие драгоценности.

Кира набрала воздуха в грудь, намереваясь заорать. Но Анна успела вовремя пнуть ее по щиколотке.

Девочка зашипела – и пришла в себя.

И бросилась отцу на шею.

– Папс! А мы с косплея! Нас пораньше распустили, там рядом убийство произошло!

– Кошмар! – выдохнула Лиза.

– Да, – закивала Кира. – Мародеры раскопали могилу, потом поубивали друг друга. Я точно не поняла, кто и кого убил, но нам сказали, что оставаться в поместье может быть опасно.

Борис Викторович нахмурился и кивнул головой.

– Правильно, что вы вернулись. Кира, я сделал предложение Лизе.

Если бы рядом не было Анны, сейчас разразился бы скандал. И Кира бы оказалась во всем виноватой.

Она бы раскричалась, Лиза обиделась...

Вместо этого Кира захлопала в ладоши.

– Папс! Класс! А я буду подружкой невесты?

Лиза едва рот не открыла.

– Будешь, конечно, – согласился Борис Викторович.

– Я хочу пышную свадьбу, я не каждый день отца женю! – продолжила девочка, уже откровенно развлекаясь под одобрительным взглядом Анны. – И подруг надо пригласить!

– Подруг? – наморщила носик Лиза.

– А что такого? Ты будешь частью нашей семьи, поэтому я обязана тебя познакомить со своими друзьями и учителями! Папсу вечно некогда, а ты будешь ко мне ходить на родительские собрания? У нас требуют, чтобы родители участвовали в жизни класса, а я вечно как самая лысая!

Лиза поежилась.

Школу она и сама не так давно закончила и возвращаться туда не хотела совершенно. Но Кира подобные возражения во внимание не принимала.

– Ну, мамочкой я тебя звать не хочу...

– Почему? – усмотрела возможность прицепиться Лиза. – Я понимаю, тебе будет сложно, но, может, со временем...

– Ты собираешься стать алкоголичкой? – с живым интересом уточнила Кира.

Лиза аж поперхнулась.

– А...

– Папс в курсе. У меня маман спилась – родная. Сначала до белочки допилась, потом до морга, но тебе, наверное, такое не нужно? А то притянешь судьбу? – девочка рассуждала вроде бы разумно, но Анна видела – издевается.

Копирует ее же – с косплея.

Ах ты паршивка!

– Какая ужасная наследственность! – ахнула Лиза. – Кира, ты лучше не признавайся...

– В чем?

– А то никто приличный может и не жениться...

– Когда я решусь замуж – мы ДНК-тест сделаем. На совместимость. Чтобы точно уродов не наплодить. Кстати, вы еще не?! Лиза, это надо! Я не хочу родственников с даунизмом! Или с чем похуже! Тогда на мне точно никто не женится!

– У меня в роду такого нет! – подскочила Лиза.

– Так и не надо ждать, пока появится!

– Не появится! А вот тебе такие тесты точно пригодятся!

– Я со школьной скамьи замуж не собираюсь, – отрезала Кира. – Мне надо выучиться, получить профессию, найти работу, научиться самой себя обеспечивать...

Борис Викторович довольно кивал. Лиза сморщила нос – и решила попробовать атаковать Анну.

– Слышу голос старой девы. Кира, главное для женщины – удачно выйти замуж!

– Мой отец удачно женился. Скоро вот в пятый раз – и каждый раз удачно, – согласилась Кира.

Лиза побледнела и пошла пятнами. А девочка невинно рассуждала дальше:

– Я, наверное, тебя буду называть... А правда – как? Лиза? Непонятно, кто ты мне такая... Мама? Тут мы уже решили, ты не сопьешься, правда?

Лиза квакнула нечто, принятое Кирой за согласие.

– Мамушка? Тоже не подойдет, так служанку звали. Из «Унесенных ветром». – Кира недавно посмотрела этот фильм на пару с Анной и сказала, что Эшли надо отравить. Чтобы не мучился. Но вот, запомнила... – Мамыса? Матуша? Матуха? Матка? Это уж вовсе физиология...

Лиза меняла окраски. Борис Викторович выдохнул, собираясь вступить за возлюбленную, но не успел.

– Знаю! Будешь ненькой! В самый раз!

– Нянькой?

– Да нет же! Ненькой! Как на Украине! И ласково, и со смыслом... няня Лиза! Класс!⁶

Лиза вскочила.

Надулась.

– Мы об этом еще поговорим!

– Конечно! – согласилась Кира. – Папс, вы тут помолвку праздновали? Мы с Аней тогда пойдем... только трусов на люстре не надо, ладно?

– Трусов? На люстре?

– Ну да... няня, ты не переживай! Они хоть и симпатичные, я вот вижу, красные, в кружавчиках, но в интерьер гостиной не впишутся. Да и тебе нельзя, говорят, красные трусы на люстре – к женихам. А ты уже... того. Все, жизнь кончена...

Лиза вылетела из комнаты не прощаясь.

Кира сделала знак «йес».

И была поймана за ухо родимым батюшкой.

– Ну и что это за номера цирковые? Анна, вы мне можете объяснить?

Вот так всегда. Хотя Анна тоже получила удовольствие, так что можно и пострадать немного.

– Конечно, Борис Викторович.

– Слушаю вас внимательно?

Анна сделала нарочито невинное лицо.

– Будучи невинным ребенком, Кира получила громадную моральную травму. Переживания подкосили ее, и внутренний мир девочки диспропорционировался. Вернувшись домой, она обнаружила, что ее отец, столп ее мира, собирается жениться. Будучи хорошо воспитанной девушкой, Кира проявила доступную ей долю вежливости, но, к сожалению, это вышло чуточку неуклюже. Будьте к ней снисходительны, обнаруженные по соседству трупы не способствуют душевному равновесию.

Что мог сказать Борис Викторович в ответ на эту тираду?

Ну... почти ничего.

Начиная с диспропорционирования, он честно пытался не захохотать в голос. Так что...

– Идите вы... интриганки!

Интриганки переглянулись – и пошли.

Русина, Подольск

– Как мне все это... надоело.

Тор Мелехин покосился на подчиненного, но одергивать не стал. Его тоже все... скажем вежливо – за... грызло.

Подольск, вообще вся эта ситуация, патрулирование...

Особенно последнее.

Везти в город продовольствие?

Да вот прямо и сейчас! Никто даже не собирался! На черном рынке обычная курица стоила до десяти рублей!

Десяти!

Рублей!

⁶ Одна из бабушек автора данное слово употребляла именно в значении «мама». (Прим. авт.)

Для сравнения – всего год назад она стоила восемьдесят копеек!

Командир полка с ног сбивался, а только – толку? Если бы не крупа, обнаруженная на складах Подольска, давно бы его войско или голодало, или с протянутой рукой пошло, или вообще в мародеры! А кушать-то хочется!

И то...

Крупа – для людей.

А для лошадей?

Десять килограммов сена, пять кило сухой травы, семь-восемь килограммов овощей, четыре килограмма зерна...

Не нравится?

А это еще самый минимум! Нужно больше! Это строевые кони, постоянно в движении, со всадниками... и где все это взять?

Только у крестьян.

Понятно, крестьяне были против. Командир махнул рукой и выпустил облигации, по которым крестьянам обязательно заплатят. Ну вот обязательно! Стоит только вернуться законной власти...

Крестьяне оказались недоверчивыми, и вообще – пособниками освобожденцев, так что ни зерна, ни фуража, ни...

Город продуктов от них не дождался.

Илье пришлось рассылать десятки по селам, с реквизициями. Строго-настрога запретив грабить, убивать, насиловать...

Обнаружили сено?

Заберите.

Но выпишите человеку облигацию – пусть потом компенсацию получит.

Что значит – корову кормить нечем? А помрет корова – и детки умирать начнут, она ж, кормилица, молочком их поддерживает...

Ах вы твари сиволапые!

Мы вас тут защищаем, а вам сена жалко!?! Вы о каких-то коровах печетесь?!

Да за такое...

Расстрелять бы, да нельзя. Но вот сапогом в морду – это можно. Это крестьяне получали регулярно. Параллельно с облигациями.

Вот и сейчас...

Удалось найти несколько возов сена и забрать их, но в морду староста получил! А чего он! На колени падает, сапоги обнимает... да на эти сапоги такая кожа пошла, которую в его паршивой деревеньке отродясь не сыщешь! Разве что с него содрать!

А он их – соплями!

Коровы падут, козы... Лошадям не хватит... да не наплевать ли?!

Пусть прирежут свою скотину – да и на мясо! А не хотят сами съесть, так пусть продадут в городе! Небось заплатят... облигациями!

Это тор Мелехин и сказал старосте. А заодно и в морду ему дал. Чтобы понимал, тварь, с кем разговаривает! Староста утерся и успокоился.

По плохой дороге возы едва ползли, а возницы отгавкивались, предлагая запрячь в телеги не крестьянских коней, а кавалерийских. А чего?! Эва какие лошади! Они и повозку потянут!

Подобное предложение не вызывало симпатии у кавалеристов. Но действительно – падут крестьянские лошаденки посреди дороги, не своего ж коня в телегу запрягать? Вот и приходилось едва тащиться...

Крестьяне зло переглядывались. Молчали, но хмуро, зло...

Если бы тор Мелехин обратил внимание на их настроение, но куда там! Он же – тор! А это крестьяне! Сволота, быдло, серая плесень... чего на них смотреть? Он и не смотрел...

А когда с близко расположенной опушки ударили выстрелы...
Когда взметнулись на дыбы кони...
Когда пуля ударила в грудь, и на миг стало горячо, а потом в лицо бросился белый снег,
быстро становящийся алым, а затем и черным...
Тор Мелехин даже ничего понять не успел. Он умер первым.
Остальные...
Подольск – транспортная развязка. Но леса вокруг него есть.
Хорошие леса, густые... и народ здесь частенько охотой живет. Староста лесной деревни,
в которую явился тор Мелехин, был охотником. И брат его, и отец, и дед...
Староста не врал.
Что с тех бумажек толку? А козы, коровы...
Это – жизнь их детей. Жизнь семей. Станет ли он колебаться?
Да ни минуты!
Пуля из старого, еще дедовского ружья ударила в грудь кавалериста. Надо бы в голову,
да побоялся. Все ж далековато...
Пятеро охотников после ухода грабителей встали на лыжи. Они-то лес знали!
Здесь спрямить, тут срезать... на месте засады они оказались часа за два до своей добычи.
Хотя предупрежденные возницы и так не торопились, давая старосте время все успеть.
Пять выстрелов грянуло разом. Перезарядить – и второй раз. Как по волкам.
Как по зайцам... те еще и быстрее.
Все же кавалерийский полк Ильи – это были не бойцы. Военные, но не воевавшие. Парад-
ные, декоративные... они растерялись. А в тягость ли охотникам перезарядить ружье?
Для умелых рук – секунда.
Двое еще успели дернуться к засаде... ну так что же? Только и добились, что пули их
ударили в головы, не в грудь. Лесовики белку в глаз бить привыкли, а тут мишень крупнее.
Ржали кони, метались... староста ждать не стал. Выскочил из засады, ссыпался к дороге,
увязая в грязи, которую лишь припорошил сверху первый пушистый снежок, помчался к
дороге!
– Живо!!! Коней ловите!!!
Поймать удалось восемь из десяти. Двоих куда-то унесло, да и пес с ними. Зато трупы
– все десять.
Мародерили крестьяне быстро. Или – восстанавливали справедливость?
Вояки были облуплены до полной наготы – нет, не до исподнего. Тоже полотно, авось да
пригодится. Так что до наготы. И десять тел сложили вдоль дороги.
Пойманных лошадей привязали к телегам – тоже пригодятся. Барахло сложили прямо
на сено.
И кое-как развернули возы.
Староста подождал какое-то время, пока все отъедут, и достал нож.
Ох, не хотелось ему этого делать! Нет, не хотелось...
А придется.
Деревню он подставить не может, значит, надо дать другого подозреваемого. Какого? А
чего искать-то? Да здравствует Освобождение!
Вырезать ножом на груди одного из солдат символ Освобождения было несложно. С ним
и безграмотный справится.
Символом Освобождения стала роза ветров – восьмиконечная звезда. Или восьмиконеч-
ный крест, тоже сойдет на первое время...
Староста постоял минуту над трупами, вздохнул...
Если б не нужда горькая... а все одно! Нечего тут!

Одни налетят, ограбят! Вторые налетят, ограбят... Да ему плевать, кто там в том Звенигороде кресло задом мнет! Хоть Петька, хоть Гаврюшка, староста их отродясь не видел и видеть не желал. Оно понятно! Языком махать – не камни таскать! В мягкое-то кресло каждый хочет, а ты в поле поработай! Сено!!!

А ты то сено косил?! Ты его в скирды сметывал, ты его сушил, ворошил, возил? Да тут в каждую копёшку столько труда вложено, сколько вам, скотам, за год не одолеть! И отдать!

Да за красивые слова, да еще и в морду... а вот перебьетесь! Староста собирался выступить перед крестьянами. И предложить перебраться в лес, на хутора. Такие, считай, у каждой третьей семьи были. Кто пчел водил, кто сено на лесных лугах косил, кто охотился да займки ставил... Худо ли, бедно, а перезимовать там можно будет! Потеснятся, втрое упрутся... спрячутся!

Дома оставить?

Добро?

Никто добро и не бросает, и не предлагает. Но надо уходить, пока снег плотно не лег, чтобы следов не оставить. Сейчас по лесу милое дело ходить – с собаками не разыщут! Кто захочет оставаться – их воля, а только... нет! Не будет в деревне сейчас жизни!

Пока вот это все не пройдет – не будет! Тут и думать не о чем! Один налетит, второй, третий... ежели кто оставаться вздумает, только на свой страх и риск. А староста и сам не останется, и своей родне остаться не позволит.

Лес – он все скроет. Всех укроет. Прокормит... это городские неумехи в лесу с голоду подохнут! А коли у человека руки из нужного места растут... выживет! Выживут! И семьи вытянут... да, только лес.

Приняв решение, староста сплюнул на дорогу – и развернулся за возами. Через час о случившемся на дороге напоминали только десять трупов.

* * *

– ...!!!

Илья ругался вдохновенно. А толку?

Это был уже третий случай за последние две недели. Народ вокруг Подольска жил крепкий, решительный...

Стреляли без предупреждения и особо не сомневались.

Уходили целыми деревнями... да и пес бы с ними, с крестьянами, но жить-то как?

В голову тора Алексеева закрадывалась мысль, что крестьяне без торов прекрасно проживут. А вот торы без них – вряд ли.

– Илюша...

Скрипнула дверь.

Маргарита...

Илья встал из-за стола, подошел к девушке.

– Да, солнышко?

– Во сколько обед подавать?

Илья бросил взгляд на большие часы.

– В два, Маргоша.

Все равно ничего он толком не решит! Ничего!

Почему медлит Валежный?!

Русина. Ферейские горы

Барза-бек поежился.

Одно дело – подначивать мужчин. Другое – самому идти в набег.

Вот подначивать – это он всегда пожалуйста! Речи произносить, обличать, осуждать...

А вот в атаку...

Там же убить могут! А свою жизнь Барза-бек весьма и весьма ценил! Не в пример фереям. Те считали, что Единый Отец все видит и знает. Легче пера будет смерть праведных и тяжелее горы жизнь отступников. А коли так...

Барза-бек добился своего.

Фереи пошли... пока – не в походы. В набег.

Медленно, осторожно, памятуя о стоящем неподалеку Ферейском полке, они начинали протыпывать Русину. Шаг за шагом.

Сначала увести скот.

Потом совершить набег на селение.

Потом...

Третьего этапа – а именно крикнуть на все горы, что русины ослабели и можно их рвать безнаказанно, – не получилось. Что-то нехорошее произошло, недоброе...

Сначала в набег ушли пятеро юношей – не вернулись.

Потом узнать, что с ними, ушли еще десять мужчин. Покрепче, более взрослых. И тоже – как корова язычком слизала.

Старейшины заволновались. Если бы не Барза-бек, они бы вообще поступили, как приличный ежик: свернулись в шарик и сделали вид, что это такой клубок ниток у дороги валяется. Но провокатор был настойчив!

Он давил и давил, подначивал и разжигал недовольство...

Пятнадцать человек пропали!

И никого это не волнует?

Да что это за старейшины такие?!

Понятно, старейшинам такой подход не нравился. Но Барза-бек был неумолим!

– Неужели мы хуже равнинных шакалов? Неужели мы бросим своих братьев в беде?! Неужто дожил я до горького момента! Истончилась тетива наших луков, затупились острия наших копий... о горе мне! Вижу я печальный конец народа фереев! Выродимся мы и станем такими же, как жалкие равнинники...

Барза-бек талантливо причитал и вздыхал. И скромно умалчивал о том, что на равнине уже пропали без вести больше десяти горцев.

Без следа.

Или равнинники не такие уж беспомощные, или что-то непредвиденное случилось... но какая Барзе была разница? Побьют равнинники горцев? Чилиану хорошо! Побьют горцы равнинников? Чилиану еще лучше! Когда два твоих врага дерутся, чего ж мешать-то?

А если эти враги еще на одном языке говорят, так и вовсе замечательно! Брат на брата... а чилианцам добывать меньше!

Горцы зашумели, заволновались. Старейшины переглянулись, и один из них, которого Барза-бек не любил больше остальных, поднял руку.

– Мы слышали! И слышим голос нашего рода!

Сложно бы не слышать – половина гор слышала!

– Мы приняли решение! Ты поведешь воинов нашего рода в набег на равнины!

Барза-бек якнул, бьякнул... и замолчал.

Тут уж не откажешься: или ведешь, или – катишься. Кувырком. С гор. Спустят и не заметят. Пришлось соглашаться. А не хотелось...

Выбора не было.

Старейшины переглянулись – и принялись отдавать приказания, лишая несчастного последней надежды на побег.

Русина, предгорья Ферейских гор

– Какой улов?

– Уже около двух сотен дурачков, – отчитался корнет.

Антон Андреевич Валежный довольно кивнул.

– Никого не упустили?

– Никак нет, ваше...

– Без чинов, голубчик.

– Никак нет!

– Отлично. Ты вот эту записочку полковнику передай, будь любезен.

С нижними чинами Валежный всегда был безукоризненно вежлив. И это давало свои плоды.

Корнет расцвел, прижал к сердцу лист бумаги с личной, Валежного, печатью и умчался. Антон Андреевич с нежной улыбкой посмотрел в сторону Ферейских гор.

Зима на пороге.

Зимой горцы не воюют, но ведь и Борхум зимой не воюет! А у него... у него нет выбора! Если здесь и сейчас не дать по жадным чилианским лапкам, которые зашевелились за горами, то весной...

Весной Русину разорвут на части.

Освобожденцы?

Знаете что, господа?!

Идите вы...

С миром, но туда, где темно и узко!

Здесь и сейчас Валежному дважды плевать было на Освобождение! Он спасает страну для таких, как Пламенный? Для Гаврюши?

Нет.

Он просто спасает страну.

Для таких, как его отец, братья и сестры, племянники и племянницы, для тех, кому некуда бежать. Для тех, кому бы просто жить...

А для этого надо спровоцировать фереев здесь и сейчас. И дать им по рукам.

Чилианцы начали подталкивать горцев. Отлично!

А теперь представьте – уходят люди и пропадают. И ни известий от них, ни звука, ни слова... нет, как не было! Горцы заволнуются! Пойдут в набег!

И тут-то Валежный сможет с полной отдачей обрушиться на них. И сделать так, чтобы им в ближайшие лет пять не до войн было.

А что Петер приказов не отдает...

Вот уж для войны это и лучше! Валежному те указания из генерального штаба давно поперек горла стояли! Он бы давно и горы перешел, и половину Чилиана откусил, и плевать, что там визжать будут! Пусть в Лионессе хоть ежа родят! Поперек шерсти!

Ан нет!

Политика!

Вечно эти дипломаты мешают честным людям воевать!

Валежный хмыкнул – и направился обратно в расположение войск. И...

Оп-па!

А это что у нас за выступление? Концерт самодеятельности?

– ...такие же братья! И они так же хотят свободы! А мы их держим в плену! Мы хотим прийти на их землю! А ферейи могут жить своим умом! Могут решить сами для себя! Могут...

Оратор понял, что стоящие кругом люди не столько слушают, сколько смотрят, икнул – и обернулся. И встретился взглядом с нежной улыбкой Валежного.

– Да ты продолжай, жом, – почти ласково попросил генерал. – Не стесняйся. Кто там и как жить может? А мы слушаем!

Жом дернулся, но понял, что бежать некуда. А раз так...

Бывали уже такие ситуации. Когда агитаторы начинали кричать, заводили толпу, а под шумок...

Да, вот именно, что под шумок. Можно и Валежного пристрелить. И войско отсюда увести... кому какая разница, что горцы пойдут в набег? Зато у Освобождения будет еще один полк – Ферейский!

Это важнее, чем какие-то там крестьяне, живущие в предгорьях! Понимать надо!

А Валежный тоже радовался.

Агитаторы ему и даром не нужны! От одной такой крикливой пакости проблем может быть – вагон с прицепом! Одна паршивая овца все стадо перепортит! Но в том-то и беда! Побеждать этих гадов надо на их поле! А не плодить мучеников!

Так что...

– Это не ферей пришли к нам! – вновь завелся оратор. – Они бы жили и жили, а мы! Мы присоединили их к Русине! Мы заставили их принять наш язык и веру! Мы пытаемся причесать всех под одну гребенку! Мы не даем им стать самостоятельными! И сейчас – за что будут гибнуть их люди?! За то, чтобы Петер карманы набил?! За это мы голову сложим?! Да?!

Валежный сделал шаг к нему, но...

Не успел.

Просто не успел.

Вперед шагнул корнет. Почти мальчишка, лет семнадцать-восемнадцать. Такой же, как тот, которого он сейчас отправил с поручением. Совсем еще ребенок.

– Голову мы за родину сложим! – зазвенел полудетский голос. – Понял ты, мразь?! За то, чтобы наших людей не резали и не грабили! Ты в селе был, которое эти ферей навестили? Нет! Так сходи, скотина! Головешки там! И живых нет! Кого убили, кого с собой увели, в Чилиан продадут! Наши люди о смерти молить будут, как о милости! Знаешь, как мирные ферей развлекаются? Как уши режут, носы, руки отрубают, горло нашим людям перерезают, как баранам? Младенцев в снег выбрасывают – с них пользы никакой, а растить долго! Не знаешь?!

Оратор отступил, но куда там! Корнет надвигался на него. А потом вытащил что-то из-за пазухи.

– На! Смотри, скотина!

Перед оратором упал на землю хлеб.

Черный?

Черная земля. Белый снег. Черный хлеб.

– Изба сгорела! Хлеб остался!

И до Валежного дошло. Хлеб... он просто сгорел. Корка черная... а мальчишка...

– Дядька мой там жил! Понял?! Он меня вырастил, в отставку вышел, уехал в предгорья! Жить хотел, детей растить! За что его?! Ему те ферей и даром бы не сдались, он к ним первый не ходил! Они пришли на нашу землю – жечь и грабить! Не для выживания – для развлечения! Да будут прокляты те, кто смеется, видя чужую кровь!

Солдаты согласно загудели.

Такие истории и они могли поведать. Настроение переломилось, теперь уже на оратора смотрели с таким плотоядным интересом.

И тот почувствовал!

Дернулся вправо, влево, заметался, что пойманная крыса.

– Мы родину защищаем! – решил добить Валежный. – Император придет и уйдет, Русина останется!

И его слова оказались последней каплей.

Агитатор бросил руку за пазуху.

Прогремел выстрел.

Антон Андреевич даже не сразу понял, что он – жив.

А наземь оседает, подламывается в коленях тот самый корнет. И лицо его бледнеет, выцветает... на мундире кровь – черная. На снегу – алая.

Но инстинкты взяли верх.

– Не убивать! Живьем брать! – загремел над лагерем голос генерала.

Кто-то кричал.

Кто-то бежал.

Кого-то били.

А Валежный стоял на коленях рядом с мальчишкой-корнетом и чувствовал себя...

Впервые он подумал именно так.

Будь проклята война!

Будь. Проклята. Война.

* * *

Поздно вечером он слушал доклад.

Все было просто и гадко, чего уж там! Жом Пламенный (Валежный пометил себе – не забыть, повесить на осине) решил проверить с Ферейским полком то же, что и с другими. Берется десятка два крикунов, в нужный момент они начинают стачку.

То есть начинают-то человек десять. А остальные – ждут.

И когда начальство является унимать дерзкие речи, попросту отстреливают генералов, полковников, кого там еще... и берут власть.

Примитивно, но действенно.

Командования нет, а солдат повиноваться приучен. Налить водки, рассказать о свободах, да и приказ отдать не забыть.

И...

Валежного бы тоже убили.

Он бы начал говорить, и...

Спас его корнет.

Краснянский. Олег Борисович Краснянский.

Все верно, дядька у него жил в деревне неподалеку. Не дядя по отцу или матери, а дядька. Денщик отца, который с ним не одну войну прошел, который маленького Олежку тоже воспитывал, учил, любил, мальчишка и таскался к нему в самоволку да в отпуска.

А тут... Фереи, будь они неладны! Вот и выплеснулось!

А когда *началось*, стрелки... Ага, стрелки! В зад бы им ружье-то запихать...

Валежный как раз шагнул вперед, корнет – назад, вот и оказались на одной линии. Ну и...

Сейчас агитаторов выловили. Что делать-то с ними?

Валежный даже удивился странному вопросу. Что делать? Понятно же! Повесить! Быстро и высоко.

А корнет...

А корнет будет святым покровителем полка. Как отдавший жизнь за други своя. Если выживем, Творец рассудит. А пока...

Пусть заступником полка перед Его престолом будет святой Олег Краснянский.

Борхум. Неподалеку от границы с Русиной

– Раз пошли на дело...

Дмитрий насвистывал песенку вполне непринужденно.

Война – это у нас что?

Это у нас коммуникации!

В том числе и замечательный симпатичный мост! Которому уж лет двести – то есть пока починят или новый построят – это долго будет!

А река Молер – глубокая.

А река Молер – широкая...

А мост...

Понятное дело, он не единственная переправа через реку, но – для поездов и тяжелой техники. Не будет моста – придется ездить по другим дорогам, а это время, силы, логистика, наконец...

Можно навести временную переправу, саперный полк это сделает легко и весело, но если полк здесь, значит, где-то его нет? Если сюда уходят деньги, значит, куда-то они не пойдут! Надо взрывать!

В этот раз Митя тоже работал один. Одну сумку на одно плечо, вторую – на другое, ремни крест-накрест на груди. В каждой сумке совсем чуток – по шесть кило динамита. Мосту хватит с избытком!

Митя направлялся к нему небрежным шагом... Вот встают из реки громадные каменные быки, держащие на своих плечах настил. Тоже каменный.

По нему идут рельсы.

Конечно, минировать надо основание моста. Чтобы опор не осталось, в противном случае... настил восстановят быстро, а охранять мост будут куда как надежнее. А сейчас...

– Стой! Кто идет?!

Митя с невинным видом остановился.

Часовой был – зелень зеленая. Лет двадцать, много – двадцать пять. Еще усы толком не пробились! Но остановить непонятного типа солдатик спешил со всем рвением.

– Ты кто такой?

Митя пожал плечами.

Бесформенная куртка, которая прикрывала его со всех сторон и отлично скрывала сумки с динамитом, превращая мужчину в толстяка, едва слышно скрипнула.

– Я... а какое вам дело, юноша?

– Я тебя сейчас... в штаб!

– Ага, а там над тобой даже вороны смеяться будут! Что мне – нельзя посидеть, посмотреть на речку? Вина выпить? С женой я поругался... пила визжащая!

Сказано это было с таким чувством, что солдат едва не прослезился. Явно с такими сталкивался...

– И...

– И хочу посидеть, выпить... тебе скоро меняться-то?

Солдат бросил взгляд на солнце.

– Часа два.

– А зовут тебя как?

– Марк.

– А я тоже Марк, – обрадовался Дмитрий. – Выпьем за знакомство?

И достал из-за пазухи бутылку коньяка. Хорошего, русинского... еще и подмигнул:

– Может, и враги, а пойло хорошее делают! Будешь?

Солдат колебался.

Дмитрий махнул рукой.

– Пошли, вон там, неподалеку от моста, посидим на бережку, выпьем... Ну и про жену тебе расскажу. Вот что такого – выпил я чуток! В честь праздника же! Право имею! У брата дочь родилась...

Дмитрий, продолжая плести какие-то небылицы про брата-поильца и жену-стерву, сделал один шаг, второй... солдат покорно тащился за ним к мосту.

И когда Дмитрий развернулся, протягивая ему бутылку, принял ее. Из рук в руки.

А что второй рукой Дмитрий проделал тот же трюк, который уже опробовал на несчастном погибшем проводнике – не суть важно.

Лезвие скользнуло в грудь незадачливого солдата.

– Стоишь на посту? Вот и нечего слушать кого попало, – проводил его душу напутствием диверсант. – Халявная выпивка до добра не доводит.

И занялся делом.

Ружье... полезная штука.

Воткнуть штыком в землю, к нему привязать караульного – конечно, немного некрасиво выглядит, ну так что же? Мите это безразлично. Главное, чтобы фигуру солдата издалека видели. Стоит он – и стоит...

Пусть полчаса простоит, а потом – воля Творца!

И Митя решительно зашагал к мосту. Тут и идти-то оставалось...

Мост.

Настил.

Шпалы.

Сначала крайняя опора.

Дмитрий решительно привязал веревку к перилам моста – и перелез на наружную сторону. А внизу река... Мокрая и холодная... брр!

Куртка полетела в реку. Митя решительно начал спускаться к первой из опор.

Старые камни, выщербины, трещины – ему хватит за что держаться. И куда заложить динамит – тоже. Вот... Не над самой водой, но достаточно низко. Патроны, заряды...

Дмитрий опирался ногами о камни и отпустил руки. Чуть что – и он бы соскользнул с опоры, просыпал динамит... ну – нет!

Четыре килограмма динамита! Ты ж моя прелесть!

Вот и запалы! Новомодные химические тоненькие стеклянные трубочки. Не надо ничего поджигать, раздавишь – и взрыв. Красота!

Патроны он уложил так, что любо-дорого взглянуть. Порадовался на свою работу секунд двадцать – и полез наверх.

Чтобы повторить то же самое с другой стороны моста. Почему он начал с крайних опор? Опаснее. Легче его заметить, проще достать. Но – успел. Сделал. Вот и центральная опора... Митя уже с сомнением поглядывал на небо и не сильно удивился, услышав тревожный крик:

– Марк!?

Обнаружили...

Ай, как плохо! Еще бы немного... Митя как раз минировал центральную опору моста. Старался на совесть... шишки с три вы его потом восстановите, проще новый будет построить!

А над головой кричали, бежали, кто-то заметил террориста.

– Вот он!!!

Свистнули первые пули.

Митя прижался к опоре, закрепил еще один динамитный патрон.

Шнур, фитиль...

Стеклянные трубочки чудесны, когда надо минировать рельсы. Тряханет поезд – и взрыв! Никто и чихнуть не успеет! Но Мите-то надо уйти! Поэтому фитиль... а горит он минут десять, хотел посуху уйти... не получится, надо оторвать кусок фитиля... Зубами его! И в сторону сплюнуть!.. Митя решительно чиркнул спичкой.

– Уйдет!!! – надсаживался кто-то над головой. – Спускайтесь к нему!!!

Ага, щщщщас! Такое блюдо, производное от щщщщщей.

Митя принялся дуть на фитиль, чтобы тот получше разгорелся. Пули свистели вокруг, но матерого террориста было не напугать выстрелами. Вы еще попадите – в полусумраке-то!

Лишь бы огонек не погас! Фитиль хоть и промаслен, но... вода же! Сырость!

Еще погаснет... ан нет!

Огонек побежал по шнуру, быстро, весело, еще быстрее...

Не колеблясь, Митя разжал руки – и опрокинулся в реку.

Холодная вода ловко приняла его в свои объятия, повлекла прочь, укрыла от врагов... Митя стремился уплыть подальше, и течение послушно влекло его вперед и вперед.

Конечно, все у него получилось. Так и рассчитывал, чтобы, когда мост взорвется, он был достаточно далеко.

Грохнуло красиво!

Осколки моста полетели во все стороны, но Митю защитило расстояние. Несколько минут он плыл по течению, нырял, выныривал... потом добрался до камышей примерно в пятистах метрах ниже моста – и смог остановиться. Обернуться...

Полюбоваться!

Было на что!

Работа истинного мастера диверсии тоже требует вдохновения. Это вам не убогие наркоманы, которые размахивают во все стороны оружием и чего-то требуют! Это – талант!

Моста попросту не было. Опоры... так, что-то невнятное из воды торчит. Но вряд ли оно ремонтпригодно! Там теперь трещин...

Митя довольно улыбнулся – и, достав из кармана фляжку, отпил пару глотков крепленого дубовика. Зима...

Холодно в речке, знаете ли!

Ладно, ему недолго карася изображать!

Митя предусматривал многое, так что ниже по течению была спрятана лодочка и рыбацкая одежда. Вот, уже почти... отлично! Вот и оно!

Переодеваясь в одежду рыбака, Дмитрий думал о насущных вопросах.

Надо бы потом поговорить с Валежным. Вы подумайте – на сколько он наработал?! От него Борхуму вреда больше, чем от полка кавалерии, а кто оценит?

Орден хочу!

Но согласен на медаль...

Анна, Россия

– У меня получилось?

– Кира, ты была великолепно!

Кира приосанилась, но Анна быстро опустила ее с небес на землю.

– Только не забывай – ты застала врага врасплох. В другое время и в другом месте тебе бы так просто не сдались.

Кира вздохнула.

– Анечка, неужели папа правда женится на этой гадине?

Анна вздохнула.

– Полагаю, да. Ты видела кольцо?

– Аня, я из дома сбегу.

– Не успеешь. Лиза тебя раньше выживет, – «обрадовала» Анна.

Если бы она могла пожить подольше! Но – год! Даже уже меньше ей осталось! Что уж теперь притворяться? Что смысла врать?

– Может, ее отравить?

– Всех не перетравишь.

– И что мне остается?

Анна вздохнула.

– Кира, ты можешь сама выйти замуж.

– Нет...

– Можешь сделать так, чтобы Лиза тебя боялась.

– Ага... наверняка эта зараза тут же залетит, чтобы меня из дома выжить.

– Разве плохо, что твой отец хочет еще детей? Или тебе не хочется делить наследство?

– Да нет, – задумалась Кира. – Ань, мне хочется, чтобы я домой приходила не как на поле боя. А Лизка эта... подлиза!

– Есть еще один вариант.

– Какой?

– Женить отца на ком-то, кого ты выберешь.

– Хм?

– Не на Лизе. Чтобы ты спокойно ужилась с мачехой.

– Хм-м...

– Подумай, есть ли среди отцовских знакомых кто-то подходящий. Это может быть мать твоего одноклассника, это может быть старая знакомая вашей семьи...

– Подумаю. Но... вряд ли.

Анна пожала плечами.

– Поговори с Розой Ильиничной. У нее знакомых много. Подходящего возраста.

– Ты считаешь – отец старый?

– Средних лет. Дамы в возрасте от тридцати до сорока подойдут идеально.

– Понятно... Ань, я подумаю. А почему отец на этой даме женится?

Анна опять пожала плечами.

Вспомнила, как охотились на мужчин в светских салонах. Как загоняли добычу в угол, как буквально вынуждали делать предложение, ставя в условия, когда другого выхода не оставалось. Кое-что применимо и сейчас.

– Кирюша, ты, главное, найди подходящую женщину. А дальше – решим.

– Ладно...

Кира отвернулась, чтобы Анна не заметила хитрых искорок в ее глазах.

А чего искать?

Вот она – Аня! Симпатичная, неглупая, Кира к ней относится хорошо, она к Кире – тоже...

Ну и?

Чего от добра бобра искать?

Правда, у Ани еще сын есть... и, наверное, она может еще детей родить. Но Аня ее точно выживать не будет! А другие бабы?

Кира не была уверена. Надо поговорить с Розой Ильиничной.

* * *

Это был первый законный выходной, когда Аня не поехала к сыну. Но...

День строился так.

Она отпросилась с раннего вечера у Бориса Викторовича и пообещала приехать тоже к вечеру. Ей предстояло ехать ночью в село.

Не днем же лезть в гнездо к аисту?

Нет, конечно.

А если ехать к вечеру... а домой как? Ночной электричкой?

Да с мешком ценностей?

Сомнительно... Анна не хотела проверять подарок Хеллы. Не надо ей такого!

Пусть люди живут, даже если они – ворье. Это – довод совести. А довод практичности – обычно шакалы ходят стаями. Пока одного убьешь, остальные тебя толпой замесят. Не стоит рисковать.

И так... это жуткая авантюра! Но это возможность обеспечить сына!

А потому...

Поздним вечером, около одиннадцати, Анна, никого не встретив по дороге, вышла из дома и направилась в сторону железнодорожного вокзала.

На электричку.

Ольгу Петровну, которая не спала, наблюдая за соседями в окно, Анна даже не заметила. А и заметила бы... Подумаешь – безумная активистка? Пусть сначала пролечится!

Хорошо, что билет туда можно купить в кассе.

Аня подстраховалась на всякий случай. Надела любимые вещи Яны – армейские штаны, берцы, армейскую же камуфляжную куртку...

Тепло!

И движений не стесняет... но как же непривычно!

И штаны...

Сплошное неприличие!

Мать даже на блузерсы смотрела с ужасом и отвращением. А она...

Джинсы!

Анна представила себе Аделину Шеллес-Альденскую в джинсах. Потрясла головой. А ей бы пошло... и было бы...

Платье – к лицу. А джинсы куда? К... попе?

Анна хмыкнула – и зашагала к вокзалу. Быстро и решительно, пока не передумала.

Билет на электричку ей продали почти мгновенно. Очереди не было, просто кассирша отошла на пару минут. Анна подождала на вокзале минут пятнадцать, а потом устроилась в вагоне, у окна.

Тишина.

Спокойствие...

А внутри все натянуто до предела. Как тогда, в Зараево...

Страшно! Если здесь и сейчас все срстется – Гошка хотя бы деньгами будет обеспечен. Хелла, помоги! Понятно, что сыну защита нужна, что ребенок с деньгами – искушение для подонков, но...

Но и без денег тоже плохо.

Анна смотрела в окно и молилась.

Да, Хелле! В ее существовании она была уверена. А с остальными богами... а кто их знает? Может, им до Анны и дела-то нет!

Хоть бы все получилось!

* * *

Возле нужной ей деревни Анна была около двух часов ночи. Очень удачно получилось. Все спят.

Анна, как и неделю назад, шла по улице. Тишина.
Темнота.
Вот и дерево...
И снова – разуваться и раздеваться. Но драгоценная сумка была на месте.
У Анны даже колени задрожали. На несколько секунд она скорчилась в гнезде, обхватила себя руками за плечи...
Здесь!
Она подхватила сумку, перекинула ее за плечо – и кое-как поползла вниз.
Фу-у-у-у...
Уже на земле – открыть молнию!
Все здесь. Так, как она и укладывала – в непромокаемом пакете. Так же завернуто – свою руку Анна узнала. И пальцы чувствуют ту же структуру – ордена оказались сверху.
Одежда.
Обувь.
И – шагом, шагом...

* * *

Федька Свистун вчера заночевал в домике лесника, благо тот заброшен был уже лет десять. Проснулся с утра пораньше, подумал пару минут... как получилось, так и подумал! Голова разламывалась! И направился по тропинке в сторону станции.

А что?

Вот сейчас придет кто – он и на водочку попросит, и на опохмел...

Понимать надо!

Когда человек с устатку, когда ему плохо, когда душа горит... вчера она горела. Сегодня душе срочно требовалось топливо. На поддержание горения.

Жизнь – она такая...

Сложно в ней рабочему человеку! Федька ведь честно работает... когда деньги нужны. Кому тяжесть поднесет, у кого легкую кладь... отнесет. Не будем называть это вульгарным словом «воровство». Уголовный кодекс его не одобряет. А вот – подработка...

Да, это есть. Случается!

Был бы он городским, работал бы, получал зарплату! А ему никак! У него плоскостопие, подозрение на гастрит, да еще и язва, наверное. Если не выпить – в желудке так сосать начинает!

Самому страшно становится!

А денег нет!

Все нищета проклятая! До чего страну довели!

Федька горестно вздохнул – и насторожился.

Из леса доносились тихие шаги. Просто время такое, четыре утра... тут любой чох слышно. Кто-то шел по лесной дорожке... Федя подумал пару секунд – и направился в ту сторону.

Опа!

Баба!

Да с большой сумкой!

Тут он ей и поможет! Или сумку донести, или... по ситуации посмотрим!

Федька чуть ускорился – и кашлянул.

– Мадам, вам помощь не нужна?

Мадам подскочила, обернулась – и оказалась девчонкой лет двадцати. Такой... все при всем. Федька аж грудь выпятил. Вот он ей сейчас и поможет, по-мужски!

И схватил девушку за руку.
Он и сам еще не знал, что собирается сделать. Но...
Девчонка вдруг уставилась на него стремительно чернеющими глазами. А потом выпала:

– Умри! Во имя Хеллы!
Федька дернулся.
В груди словно звезда разорвалась.
Черная...

* * *

Анна испугалась до истерики.
Она не спала ночь, она тащила здоровущую сумку, она... Да тут кто хочешь испугается!
Выходит какой-то звероподобный мужик из леса, руки тянет, хватает... а дальше – что?
Умирать еще раз Анна не хотела.
Придется, через год, но не сейчас же?
Конечно, не сейчас!
Чисто рефлекторно она подскочила – и выпалила *ту самую* фразу. И... подействовало!
У нее на глазах мужчина вдруг схватился за сердце – и осел на снег. Умер?
Анна поставила сумку. Дотронулась до шеи мужчины.
Пульса не было. Дыхания тоже.
Умер...
Хелла!
Хотя что – богиня?! Она предупреждала! Анна просто убедилась в ее правоте – сейчас!
А страшно-то как! Ох, мамочки...
Девушка поудобнее подхватила сумку – и помчалась к станции.

* * *

Ехать домой?
Ехать к Борису Викторовичу?
Анна уже обдумала этот вопрос. И решила пойти третьим путем.
Ехать в банк.
Есть там такая услуга – аренда ячейки. Не положить нечто на счет, а просто – арендовать ящик. Хранилище.
Вот и пусть полежит там сумка. Заплатит Анна за аренду, не обеднеет! Деньги пока есть!
Банк открывается с восьми, ну так и недолго осталось.
Пока доедет, пока дойдет...
Из банка Анна вышла довольная и счастливая.
Ключ. Договор об аренде. Ячейка.
И – фактически, обеспеченная Гошкина жизнь. Она посмотрела, когда переключивала в ячейку содержимое сумки. Книжки, ордена, какие-то коробочки...
Все старое. Все такое... настоящее.
Анна не могла этого объяснить более внятно. Но когда она прикасалась к настоящим драгоценностям или к вещам, пришедшим из глубины веков, у нее словно в кончиках пальцев покалывало. На фальшивку такой реакции не было, нет... Только на настоящие вещи.
Эти – настоящие.
Их не подменили.

Да и кто бы стал что искать – в аистинном гнезде? Так и пролежало бы добро до весны на верхушке дерева. Пока птицы не прилетят...

Анна улыбнулась солнышку еще раз – и вприпрыжку направилась на остановку.

Домой.

Поспать пару часов, переодеться – и к Гошке. Его скоро выписывают! Надо подумать, что ему принести, что купить... вы знаете, как быстро растут дети? Даже в больнице?

Очень быстро.

* * *

Кира к завтраку вышла попозже. Ей требовалось поговорить с Розой Ильиничной. Лучше – без свидетелей.

Так и вышло.

Завтрак сегодня был не таким вкусным. Анна им не занималась...

Кира быстро сжевала овсянку – и направилась на поиски экономки. Обнаружила девочка ее в оранжерее. Роза Ильинична осматривала растения и что-то помечала в блокноте.

– Доброе утро, – кашлянула Кира.

– Доброе утро, Кира Борисовна.

– Роза Ильинична, давайте просто – Кира? Вы меня столько лет знаете, – смутилась девочка.

– Хорошо, Кира. Я тебя слушаю, – согласилась дама, принимая «оливковую ветвь мира».

– Роза Ильинична, эта подлиза тут ведь часто бывает?

Уточнений не потребовалось. Роза Ильинична вздохнула.

– Кира, к чему вопросы?

– Я с Аней поговорила.

– Так?..

– И думаю. Аня сказала, что отца можно женить на ком-то другом. Так, к примеру.

– Можно. Если он согласится жениться.

– А если его женить на Ане? Лизку я не выживу. И не выдержу. А кто ему еще попадется – неизвестно. Аня – лучший вариант, – Кира пыталась рассуждать серьезно.

Роза Ильинична сдержала улыбку.

– Допустим. А ваш отец согласится?

– Почему нет? Аня красивая, умная, рожать может...

– У нее проблемы с финансами. А Лиза богата.

– По-хорошему, отцу столько денег не нужно, – надулась Кира. – Это он увлекся!

– Допустим. Но вы уверены, что он увлечется также и Анной? А она им?

– Это они просто ничего не понимают, – надулась Кира. – Занимаются глупостями...

Роза Ильинична, вы со мной? Если я захочу свести отца с Аней?

– У вас ничего не получится, Кира Борисовна.

– Почему?

– Потому что Борису Викторовичу нужна Лиза.

– Это преодолимо.

– Потому что у Анны нет денег.

– Тоже не страшно.

– Потому что Анне НЕ НУЖЕН ваш отец.

Кира надулась. Хотя именно это она и подметила. И поэтому не считала Анну опасной. Подсознательно. Не соперница. Не враг. Не завоеватель...

– А если я ее уговорю?

– Ее уговорите, его уговорите... стоит ли?

– А вам так хочется эту подлизу на голову? – не сдержалась Кира. – Она еще и выводок наплодит, и вас отсюда выживет! Не гла-амурно! Не мо-одно!

Роза Ильинична вздохнула.

Да, такое тоже может быть. Даже и будет, наверное.

Но...

– Кира Борисовна, подумайте как следует. У Ани уже есть сын – вы готовы делить с ним и дом, и отца?

Кира пожала плечами.

– Не знаю.

– Я подготовила комнаты для Анны и ее сына. Давайте вы посмотрите на их отношения. Попробуете с ними ужиться. И если получится... тогда – я вас поддержу. Хорошо?

– Йес!

Кира взвизгнула – и сделала известный жест согнутой рукой.

Так.

Помощники согласны.

Осталось уговорить жениха и невесту!

Глава 4. Белого небытия множественное число

Русина, поместье Алексеевых

Скандал Надежда Юрьевна случайно услышала.

Была на заднем дворе. Не прибеги к ней дворовая девка Палашка с криком о том, что лесника собаками травить собираются, так бы она ничего и не узнала. Но стоило женщине услышать...

Кто сказал, что толстые люди летать не могут?

Могут! И даже телепортируются! Только подол платья мелькнул. Палашка аж рот разинула: была хозяйка – и нет хозяйки.

Все верно.

Стоял во дворе Савватей, пряталась за его спину девчушка лет пятнадцати, а прямо перед лесником стоял Иван Алексеев. И сыпал бранью.

Не ударил, пока еще...

Это потому, что в руках ничего не было. Кнут бы али хлыст какой... а просто так бить все ж опасно! Савватей мужик могучий, тут даже не ответного удара – ответного плевка хватит! И утонет тор Алексеев, как крыса в море.

– Что здесь происходит?!

Надежда Юрьевна ворвалась в дискуссию шарообразным небесным телом – и мигом прекратила раздор. Иван Алексеев даже как-то съежился.

Не то чтобы он побаивался жену...

Или – то?

Пьяный он был дурной до беспредела. Но пьяный он бы уже и на Савву кинулся. А вот когда пару рюмок принял, но до состояния «море по колено» еще бутылочка-другая требуется, когда голова еще варит и напоминает, что с женой связываться не стоит, а то ведь завтра и похмелье наступит, да и другие способы есть.

– Охамели мужики, матушка! – пожаловался Иван супруге. – Еще и отродье свое к приличным людям тащат!

Савва сверкнул глазами, но промолчал.

Оно и понятно – мужик умный, серьезный... понимает, что с собакой перетягиваться не стоит. Надя оценила состояние супруга – и положила руку ему на плечо.

– Не переживай, батюшка. Я сейчас его спроважу. А ты поди, выпей чарочку. Небось устал, весь в делах?

– И то правда, матушка, – согласился Иван Алексеев.

И направился в кабинет, где у него была стопка чистых листов (хорошая, вылежанная, не первый раз используемая вместо подушки) и запас казенной водки в укромном уголке.

– Действительно, переутомился! С этим быдлом разбираться – никаких сил не хватит!

Надежда Юрьевна повернулась к Савватею.

– А вы, жом, пройдите на кухню. Там и расскажете, что это такое случилось. В лесу потрава? Али еще какая беда? Пожар? Гниль?

– Потрава, тора, как есть потрава, – прогудел Савватей, идя вслед за госпожой.

Умная баба. Как есть – умная. Только вот дураку досталась. Таковую бы да в свой дом, она бы щепочку к щепочке собирала, ничего б не упустила...

Не повезло.

На кухне Надежда Юрьевна устроила девчушку за столом, а Савватею кивнула на дверь.

- В кабинете поговорим, жом.
- Как прикажете, тора.

* * *

Надежда Юрьевна плотно закрыла дверь кабинета.

Опустила засов.

Задернула тяжелые бархатные портьеры.

Проверила окна.

И только тогда повернулась к Савватею, убедившись, что их никто не подслушивает.

– Что случилось, Саввушка?

– Плохо все, Наденька. Сильно плохо... уезжать вам надо.

– Так случилось-то что?

Савватей помрачнел.

– Имение Измestьевых знаешь?

– Как не знать. Только оно ж далеко!

Измestьевы не в ближайших соседях числились. Даже не в дальних. До них было пути – дней пять. Надежда и знала-то, потому как лес...

Кусок леса Алексеевым принадлежал, кусок Измestьевым... а в лесу частенько пошаливали. Вот и приходилось договариваться.

Кому?

Вестимо, Надежде Юрьевне. Муж бы все равно не вспомнил потом, о чем он и с кем разговаривал.

– К ним пришли, – Савватей говорил серьезно, спокойно, и от этого становилось еще страшнее. – Освобожденцы проклятые... хозяина на воротах повесили, хозяйку сначала всем... насильовали ее, пока не умерла, а потом еще и поглумились. Детей убили.

Надя охнула, прижимая руки ко рту. Детей Измestьевых она отлично знала. И статную русоволосую Маришку, которой уж начинали подыскивать жениха, и Алексея, симпатичного парня чуть помладше Ильи, книгочея и чернильную душу...

– Как?!

– Так... Алексея, говорят, по-простому застрелили. Книги он свои защищать вздумал. А девчонку тоже... всей толпой. Ей много и не надо было.

Глаза у Нади стали большими.

– Да как же это... куда власть смотрит?

– Наденька, они теперь – власть. А называется это... рек... рак... Нет у них еды. И денег нет заплатить. Вот и грабят, ежели по-простому.

– Реквизиция? – уточнила тора, приходя в себя.

– Во-во... это слово.

Надя помолчала пару минут.

– И что дальше?

– Сама знаешь что. Поместья горят, людей убивают. Думаешь, Алексеево заговоренное?

Тора так не думала. А какой ценой ей удавалось сохранять спокойствие – знала лишь она одна.

– Ты ведь не просто предупредить пришел, Саввушка?

– За то я тебя и люблю, Наденька. Умна ты...

Тора не улыбнулась. И на шутку не ответила – не до того.

– Ну так?

– Им сюда недолго добраться. Не одни, так другие...

– Сколько у меня времени?

- Дней десять, может, и того нет. Если Измestьево загорелось... сама понимаешь.
- Понимаю.
- Уезжать тебе надобно. В город.
- Муж не поедет.
- Дочь и внука сбереги. В городе никто знать не будет, кто тора, кто жама... сойдет! А там, глядишь, и наладится чего...
- Надя подумала несколько секунд.
- И то верно. Только вот муж...
- Мало тебе жизни попортил? Сама понимаешь, тащить его с собой, дурного да пьяного, – на гибель всех обрекать. Начнет задираться – на первой же осине и повиснет. А вы под осиной ляжете.
- В словах Савватаея был свой резон. И все же, все же...
- Не по-людски это. И не по-божески.
- То и верно! Вот всем в домовину, оно куда как лучше, правда, Наденька? И тебе, и дочери, и внуку...
- Надя помолчала несколько минут. Раздумывала, потом решила.
- Савва, мне дня три хотя бы надо.
- Для чего?
- Когда Иван напьется, он... ты сам знаешь!
- Знаю. А то ж...
- Вся округа знала.
- Первая стадия запоя у тора Алексеева – пожалейте меня, полейте меня. Водкой.
- Вторая – лихость и удаль. Надо ж показать миру, какой замечательный человек осчастливил его своим присутствием. На этой стадии и случались монастыри с кабанам.
- Третья стадия – бревно.
- На этой стадии тор Алексеев просто валялся в положении риз и требовал очередную бутылку. Заливал ее в себя и засыпал. И спал, спал, спал...
- Что от него и требовалось.
- Савватей понурился.
- Я так и знал, что ты это скажешь.
- Надя ответила грустной улыбкой.
- Саввушка, ты же все понимаешь...
- Наденька, тогда... я не просто так Матрешку к вам привел.
- Матрена?
- Да, моя племяшка. Наденька, она все дороги знает. Ты поняла? Все тропинки...
- Надежда поняла. Отлично поняла...
- Случись что...
- Она выведет. Ко мне. Дом я купил, как и договаривались. Все сделал.
- Первый раз за двадцать лет, даже больше, Надежда подошла к Савватею. Положила руки на плечи мужчине.
- Спасибо тебе, Саввушка. Ты знай, если что – другого мужчины в моей жизни не было. Только ты...
- Савва понял правильно. Иван Алексеев мужчиной не был даже в глазах его жены.
- Будь ты жамой, Наденька, не искал бы я другой жены.
- Поцелуй получился коротким, но от этого не менее искренним.
- До слез искренним.
- До привкуса соли на губах.
- Ох, Наденька...

На рубахе Саввatea, там, где прикасалась к его плечам Надежда, алели на беленом холсте пятна крови. Алое на белом, как на снегу...

Тора Алексеева в кровь ладони ногтями разодрала, пока слушала его рассказ, да так и не заметила...

Свободные герцогства

– Я желаю посещать ваши курсы.

– Вы?!

Мужчина смотрел на Нини так, словно та была... ладно! Не мокрицей! Но чем-то... достаточно бесполезным. К примеру, фантиком от конфеты. Девушка прищурилась.

– Вы имеете что-то против, жом?

Мужчина покачал головой.

– Тора, посмотрите на себя. Вы не предназначены для этой работы.

Зинаида сдвинула брови.

Да что ж такое?!

Она что – вообще ничего не значит?! Что за наглость такая?!

Полкан у ноги согласно рыкнул.

С момента прибытия великой княжны в Свободные герцогства прошло уже больше десяти дней. Зинаида успела найти дом и выкупить его.

Успела познакомиться с соседями.

А теперь пыталась устроиться на курсы санитарок при госпитале.

Но... ее не брали!

Уже третий раз! А учитывая, что в городе это был последний госпиталь...

Вот стоит напротив нее доктор, в алом халате и таких же брюках, серьезный, усталый...⁷

Сколько ему на вид? Лет тридцать, может, немного больше. Чем-то этот мужчина напомнил Нини цаплю. Высокий, длинноногий, с вытянутым лицом, в очках... темные волосы гладко зачесаны назад, серые глаза смотрят спокойно и упрямо.

– Вы считаете, что я с ней не справлюсь, жом?

– Я уверен, тора.

– Я не боюсь крови. И боли тоже не боюсь. Я уехала из Русины, жом.

Доктор посмотрел на девушку в простом темном платье. На собаку рядом с ней. И чуточку смягчился.

Русина...

Война, революция... что видела эта девочка? Какое горе застыло в ее глазах колотым зимним льдом? Что заставляет ее держать пальцы на ошейнике собаки? Словно бы уверенности набираться...

Почему она так настроена?

– Тора, пойдемте со мной. Вы когда-нибудь работали сестрой милосердия?

– Я... участвовала в работе санитарного поезда.

Доктор откровенно фыркнул.

– И возил этот поезд знатных особ?

Зинаида запнулась.

– Как вы узнали?

– Тора, а где еще вы могли получить этот опыт? – врач не смеялся, он почти сочувствовал. – Подумайте сами! Поезд, знатные особы... кто у вас, в Русиине?

⁷ В этом мире униформа медиков – красная. И крови не видно, и стрелять по ним якобы не должны. Медики же. (Прим. авт.)

- Император и императрица...
- И кого им покажут? У них, кажется, еще дочери?
- Д-да...
- Вы были в их свите, тора?
- Разве сейчас это важно? Их убили, жом...

Врач тоже запнулся.

– Простите, тора. Но поймите меня правильно. Никто и никогда не покажет начальству тяжелых больных. Чистенькие ранения, распоротая кожа, сквозная ранка, которая заживет за пару недель, не оставив и следа... причем все раненые были из благородных. Верно?

– Как вы догадались, жом... простите, не знаю вашего имени?

– Станислав. Станислав Рагальский, к вашим услугам, тора.

– Вы не тор, верно?

– Верно, тора. Мои предки были жомами, и я этим горжусь. Сам выучился, сам в люди вышел...

Зинаида опустила глаза.

– Не обижайтесь, жом. Я спросила не ради того, чтобы вас унижить.

Жом посмотрел на нее серьезными глазами, понял, что девушка не врет, – и коротко кивнул.

– Вы тоже не обижайтесь, тора. Я после ночного дежурства. И очень устал. Когда мне сказали, что встречи со мной добивается какая-то... тора...

– Фифа? Или та сестра милосердия высказалась еще... определенной?

Врач улыбнулся краешками губ.

– Намного... определенной.

Зинаида пожала плечами.

– Я не виновата, что произвожу такое впечатление. Но я действительно хочу научиться.

– Этому?

Врач без предупреждения распахнул дверь в палату – и вошел, заставляя Зинаиду следовать за ним.

И девушка закашлялась. Отчаянно и беспомощно.

* * *

Палата...

Рассчитана она была на четырех человек, а расположились в ней не меньше пятнадцати. Запах – хоть топор вешай.

Чем пахнет в таких палатах?

Человеческими страданиями?

Ах, как вы поэтичны! А чего попроще не желаете?

Кровь – свежая и загустевшая. Гной. Моча. Все это равно как свежее, так и застаревшее. Тухлятина, экскременты, пот, несвежее белье... все это смешивается в густую симфонию – и так бьет по ноздрям, что у неподготовленного человека может тошнота начаться.

Врач привел ее высочество в палату для людей после ампутаций. Здесь лежали те, у кого отрезали руки, ноги... у кого воспалились швы, у кого началась гангрена – и также с последующей ампутацией...

Лежали и часто гнили.

Не хватало белья, медикаментов, санитарок... даже судна – и те с утра еще не выносили!

Доктор пометил себе устроить разнос подчиненным – и с интересом посмотрел на Зинаиду. Та была бледнее мела. Но на ногах стояла и не блевала. Даже странно.

Полкан ощерился и зарычал.

– Если решите посещать курсы, собака вас будет ждать снаружи, – припечатал Станислав. Зинаида зажала рот рукой – и под ухмылки лежащих поближе вылетела из палаты.

Повезло – в коридоре было окно. К нему и кинулась великая княжна, вцепилась в переплет, рванула на себя створки.

Фу-у-у-у!!!

Свежий воздух ударил плетью. Выбил из ноздрей затхлость и кое-как прояснил голову. Хотя и не сразу.

Зинаида опомнилась минут через пять, обернулась – и увидела за своим плечом Станислава.

– Будете блевать? Или падать? Тора?

Зинаида выпрямилась.

Ах ты... еще и издеваешься?

– Жом, вы себя переоцениваете. Хотя признаю, попытка была неплоха. Это все, чем вы можете меня напугать?

– Отнюдь, – не разозлился Станислав, прекрасно видя, что девчонка стоит на одном упорстве. – Хотите в операционную? В перевязочную? В процедурный кабинет? В клизменную? Наконец, просто вытаскивать внутренности после операций и тащить в печь, где их сжигают?

Зинаида поднесла руку к горлу.

– Вы...

– Я. Тора, зачем вам это? Устройте благотворительный бал, подписку, выйдите пару десятков кошелечков... зачем вам госпиталь? Здесь грязь и кровь, здесь люди умирают по настоящему. И ваши батистовые платочки с вышивкой им не помогут. Им не надо вытирать пот со лба. Им не надо читать книжки. Из-под них надо вытаскивать судна с дерьмом. Надо выгребать, в буквальном смысле, грязь. Надо ворочать тяжелые тела, надо обтирать их, бороться с пролежнями... вы хоть видели, что это такое? Гниющая, мокнущая язва до самой кости! Это не санитарный поезд, где вокруг вас бегали с поклонами. Это грязь и кровь, боль и смерть. Вам здесь не место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.